

ДАНИЭЛА СТИЛ

*Прости меня
за любовь*

Миры Даниэлы

Даниэла Стил

Прости меня за любовь

«АСТ»

2012

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Стил Д.

Прости меня за любовь / Д. Стил — «АСТ», 2012 — (Миры Даниэлы)

ISBN 978-5-17-109368-6

У кинорежиссера Талли Джонс было все — слава, деньги, восторженные рецензии критиков самых престижных изданий, — не было только простого женского счастья. И потому, когда в жизни ее появился обаятельный Хант, Талли была на седьмом небе от радости. Да и какую женщину не очаровал бы такой мужчина — добрый, заботливый, готовый заменить отца дочери Талли от первого брака, да еще и полностью разделяющий профессиональные интересы своей подруги? Много лет Талли доверяла Ханту больше, чем самой себе. И вдруг банальная аудиторская проверка привела к драматическому результату — оказалось, что со счетов Талли регулярно пропадают крупные суммы денег... Неужели нельзя никому верить? Неужели под маской любящего и преданного человека скрывался хладнокровный, циничный мошенник?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-109368-6

© Стил Д., 2012

© АСТ, 2012

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	22
Глава 4	33
Глава 5	47
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Даниэла Стил

Прости меня за любовь

Danielle Steel
Betrayal

© Danielle Steel, 2012

© Перевод. В. А. Гришечкин, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

Посвящается моим любимым детям Беатрикс, Тревору, Тодду, Нику, Сэму, Виктории, Ванессе, Макс и Заре.

Пусть те, кому вы верите, никогда вас не предадут.

Пусть те, кому вы вручили свое сердце, обращаются с ним бережно и с любовью.

И пусть любовь, которую вы дарите другим, возвращается к вам сторицею.

От всего сердца с любовью, ваша мама, Д. С.

Когда что-то теряешь – что-то находишь, когда что-то находишь – что-то обязательно теряешь, но любой конец означает новое начало.

Буддийская пословица

Глава 1

Двое мужчин, распростертых на раскаленном песке пустыни, были столь неподвижны, что казались мертвыми. На горизонте только что отгремели взрывы, и в воздухе еще висела пироксилиновая хмарь. Один из мужчин был ранен – его одежду покрывали кровавые пятна, кровь струйками сбегала по лицу, впитываясь в песок. Еще недавно эти двое были врагами, но сейчас раненый держал своего противника за руку, чувствуя, как вместе с кровью жизнь покидает его тело. Вот мужчины в последний раз поглядели друг другу в глаза, потом раненый глубоко вздохнул и затих навсегда. Мгновение спустя поблизости прозвучало несколько выстрелов. Оставшийся в живых мужчина вздрогнул и обернулся, в ужасе уставившись на вооруженного автоматической винтовкой человека, который стоял позади него, грозный, словно ангел возмездия.

– Стоп! Снято! – раздался усиленный мегафоном голос, и через секунду в безлюдной пустыне появились люди с камерами и съемочным оборудованием.

«Убитый» как ни в чем не бывало поднялся и принялся отряхиваться от песка. К нему тут же подбежал помощник режиссера с бокалом минеральной воды, и недавний покойник осушил его залпом. Его партнер по снятой сцене тем временем покинул съемочную площадку и, убедившись, что на сегодня работа закончена, направился к трейлерам, чтобы перекусить.

Члены съемочной группы громко смеялись и хлопали друг друга по плечам. Высокая худая женщина в растянутой мужской футболке, коротко обрезанных джинсовых шортах и баскетбольных кроссовках без шнурков заговорила о чем-то с оператором и его ассистентами. Ее спутанные светлые волосы были стянуты на макушке небрежным узлом. В какой-то момент женщина быстрым движением распустила волосы и, не прерывая разговора, ошупью заплела их в косу, потом схватила пластиковую бутылку с холодной минеральной водой и сделала несколько жадных глотков. Воду разносили в больших корзинах помощники; время от времени они пополняли запас в огромном фургоне, припаркованном на краю съемочной площадки. Актеры, участники сегодняшней съемки, уже потянулись туда. Возле фургона их подстерегал студийный фотограф, с ног до головы увешанный профессиональными цифровыми камерами: в фильме были заняты сразу четыре известных голливудских актера, и он спешил запечатлеть их для истории.

– Это будет лучшая сцена во всем фильме, – сказала светловолосая женщина, обращаясь к ведущему оператору. – Вы отлично поработали, Карл. Спасибо, спасибо... – добавила она, обращаясь к другим членам съемочной группы, которые по очереди подходили к ней, чтобы убедиться в том, что все в порядке и переснимать эпизод не понадобится. Звукооператор тоже был доволен, а это случалось редко: как настоящий профессионал высокого класса, он был весьма требователен, но сегодня все прошло хорошо.

По всем признакам «Человек на песке» должен был стать одним из лучших фильмов года, и в этом не было ничего удивительного. Все фильмы, которые снимала Талли Джонс, практически мгновенно становились кассовыми шедеврами. Они приносили прокатчикам баснословные прибыли и дважды номинировались на «Оскар» и шесть раз – на «Глобус»¹. Правда, «Оскар» в активе Талли пока не было, но два «Золотых глобуса» она получила. Успех ее картин объяснялся мастерством, с которым Талли сочетала напряженное действие, что очень нравилось мужчинам (чтобы удовлетворить свойственную этой категории зрителей кровожад-

¹ «Оскар» – ежегодная награда Американской академии кинематографических искусств и наук, присуждаемая за лучший американский фильм и достижения в различных областях кино по более чем 20 номинациям. Премия «Золотой глобус» – ежегодная премия, присуждаемая в ряде номинаций за лучшие работы в кино и на телевидении. Церемония награждения, проводимая в феврале, служит своего рода прелюдией к вручению «Оскаров». (Здесь и далее примеч. пер.)

ность, она допускала даже сцены жестокости, но никогда не пользовалась ими как единственным средством привлечения публики), и отточенный психологизм, а это привлекало к ее работам зрительниц-женщин. В результате снятые ею ленты отличались глубокой драматургией отношений, были зрелищными и в то же время – жизненно достоверными, да и просто интересными. В Голливуде говорили: Талли Джонс, подобно царю Мидасу, обладает даром превращать в золото все, к чему прикасается, однако истина заключалась в том, что свой выдающийся талант она дополняла напряженной работой, начинавшейся еще на этапе выбора подходящего сценария, к поискам которого Талли подходила весьма тщательно. Сейчас ей было тридцать девять лет, и семнадцать из них она занималась съемками фильмов, еще ни разу не выпустив ни одной проходной или неудачной ленты.

Сегодня над съемочной площадкой вновь витал ощутимый запах победы, и Талли довольно улыбалась, когда, преодолевая накопившуюся за долгий день усталость, шла к трейлеру, где находился ее походный кабинет. Под мышкой она держала растрепанный экземпляр рабочего сценария, из которого торчали многочисленные закладки. Закладками были отмечены места, в которые сценаристы внесли очередные изменения, и ей еще предстояло их просмотреть, что-то отбросить, а что-то подкорректировать. В работе Талли была перфекционисткой. Стремясь к совершенству, она постоянно что-то переделывала, пробуя новые, более выигрышные варианты, поэтому те, кому доводилось с ней работать, иногда жаловались, что она-де контролирует каждый их шаг и вмешивается в мельчайшие детали, однако результат почти всегда оправдывал затраченные усилия. Во всяком случае, фильмы у Талли неизменно получались превосходными.

Войдя в свой трейлер с кондиционером, Талли включила мобильник и сразу заметила два сообщения от дочери, которая была первокурсницей юридического колледжа Нью-Йоркского университета. Макса́на, или Макс, как звала ее Талли, никогда не хотела сниматься в кино, что было не слишком обычно для дочери голливудской знаменитости. Ее интересовала только юриспруденция. Чуть ли не с самого раннего детства Макс мечтала стать адвокатом, как ее дед, отец Талли. Для дочери и внучки Сэм Джонс был героем, образцом настоящего мужчины, а они, в свою очередь, были единственными женщинами в его жизни. Его жена Белинда умерла от лейкемии, когда Талли заканчивала школу, и с тех пор Сэм помогал дочери и поддерживал ее чем мог. И Талли хорошо понимала, что обязана ему многим. На все церемонии вручения премий Киноакадемии она ездила только с ним, и старый юрист ужасно гордился своей знаменитой дочерью, хотя и был довольно далек от мира кино и от всего, что было с ним связано.

В кино Талли влюбилась благодаря матери, которая с раннего детства водила ее буквально на все новые фильмы. Вместе они пересмотрели и старую мировую классику, так что уже к десяти годам Талли знала по именам всех актеров и режиссеров, оставивших в истории кинематографа хоть сколь-нибудь заметный след. Сама Белинда была без ума от кино. Даже дочь она назвала в честь Таллулы Брокмен Бэнкхед², которую считала самой красивой женщиной, когда-либо появлявшейся на экране. Талли, правда, недолюбливала собственное имя, поэтому пользовалась его более коротким и удобным вариантом, однако на ее страсть к кино это нисколько не повлияло. Каждый раз, когда они с матерью отправлялись в кинотеатр, маленькая Талли с замиранием сердца смотрела на экран и мечтала, что, когда она вырастет, обязательно станет знаменитой актрисой. О том же мечтала и ее мать, но, к несчастью, ей не довелось дожить до тех времен, когда Талли начала работать в киноиндустрии. Ни одного фильма, снятого дочерью, Белинда не увидела, однако Талли надеялась, что они бы ей понравились и что мать могла бы ею гордиться.

² Таллула Брокмен Бэнкхед (1902–1968) – американская актриса, знаменитая своим остроумием, блестящей внешностью, хриплым голосом и превосходно сыгранными ролями во многих пьесах и кинофильмах, в основном довоенных.

За Сэма Джонса Белинда вышла в двадцать один год. К тому времени ему сравнялось сорок пять и он слыл довольно известным адвокатом. Сейчас Сэму было уже восемьдесят пять, и он давно отошел от дел. В последние годы его некогда крепкое здоровье заметно пошатнулось, и поэтому Талли звонила отцу каждый день, чтобы просто поболтать или рассказать, как прошел ее съемочный день. Сэм любил слушать эти рассказы – артрит не позволял ему выходить из дома, поэтому дочь оставалась чуть ли не единственной ниточкой, связывавшей его с окружающим миром.

Сама Талли к своим тридцати девяти годам побывала замужем уже дважды, и оба раза неудачно, что было только закономерным, учитывая, что она жила в совершенно особом мире, где непродолжительные связи считались нормой, а прочные отношения были не в почете. Талли даже утверждала, что в Голливуде не осталось порядочных мужчин, и при этом нисколько не шутила.

Впрочем, ее первый муж и отец Макс не имел к кино непосредственного отношения. Он был ковбоем – настоящим ковбоем из Монтаны и повсюду ходил в широкополой шляпе и настоящих кожаных штанах. Талли познакомилась с ним на подготовительных курсах кинематографического колледжа при Южно-Калифорнийском университете, куда он поступил, чтобы стать каскадером. Вскоре она забеременела; беременность протекала довольно тяжело, и ей пришлось взять годичный академический отпуск. По настоянию ее отца они зарегистрировали брак официально, но это оказалось пустой и бесполезной формальностью, которая не спасла их семью от распада – главным образом потому, что Талли и ее муж сами были почти детьми (когда Макс появился на свет, Талли едва минуло двадцать, он был немногим старше). Меньше чем через полгода после рождения дочери ее муж бросил учебу и уехал обратно в Монтану, а вскоре они развелись. Талли, правда, несколько раз ездила к нему в надежде, что хотя бы ради Макса они смогут поддерживать дружеские отношения, но быстро поняла, что из этого ничего не выйдет – слишком разными они были людьми, слишком разными были окружение и условия, к которым каждый из них привык. Бывший муж Талли начал выступать в родео, а потом женился на девушке из Вайоминга, которая родила ему одного за другим троих сыновей. Каждый год он присылал Макс открытку с поздравлениями ко дню рождения и какой-нибудь сувенир с родео на Рождество. За восемнадцать лет своей жизни Макс видела отца ровно четыре раза – не более двух часов в общей сложности. Нет, он вовсе не был плохим парнем, этот ковбой из Монтаны, просто он принадлежал к другому миру, и ни с дочерью, ни с Талли его ничто не связывало. Даже в самом начале ни о каком родстве душ речь не шла – тогда Талли просто привлекла его мужественная красота, часть которой унаследовала и Макс. Высокая – около шести футов – и стройная длинноногая блондинка с голубыми, как небо Монтаны, глазами, она была даже красивее матери. Сама Талли была зеленоглазой и не такой высокой, и все же сходство между матерью и дочерью было поразительным, и, когда они выходили куда-то вместе, их часто принимали за сестер.

Во второй раз Талли вышла замуж за актера, снимавшегося в одном из ее фильмов. Она старалась не связываться с теми, кто работал у нее на площадке, но для Саймона сделала исключение – уж больно он был хорош. Англичанин и к тому же – настоящая кинозвезда, он покорила ее своим европейским лоском и аристократическим произношением. Талли тогда было тридцать, а ему – двадцать семь, но это ее не остановило, а напрасно. Полгода спустя, снимаясь уже в другом фильме, Сайм изменил ей со своей партнершей, причем даже не пытался это скрывать: о том, что ее муж встречается с такой-то актрисой, писали все желтые газеты. Талли возмутилась и подала на развод. Их брак просуществовал всего одиннадцать с небольшим месяцев, из которых вместе они прожили три. Развод, однако, обошелся Талли в миллион долларов, поскольку она была его инициатором, а англичанин хорошо умел считать деньги. Что ж, если такова была цена ошибки, Талли рада была заплатить и при этом не сомневалась, что легко отделалась.

После этого она пять лет жила одна, сосредоточившись исключительно на работе и воспитании дочери. Никакого желания снова вступать в брак у нее не было – так называемой «семейной жизнью» она была сыта по горло. Вскоре, однако, она познакомилась с известным продюсером Хантером Ллойдом, и не прошло и нескольких недель, как они начали встречаться. С самого начала Хант показался Талли порядочным человеком – не бабником, не лжецом, не пьяницей. В прошлом у него также было два неудачных брака, каждый из которых обошелся ему в небольшое состояние, поэтому Хант, по его собственным словам, старался проявлять «разумную осторожность» и не спешил вступать в новые отношения. Несмотря на это – а может, именно благодаря этой самой «осторожности», которую проявляли обе стороны, – их связь оказалась на удивление прочной. К настоящему моменту они встречались уже четыре года, три из которых жили вместе у Талли. Хант переехал к ней после года регулярных свиданий, оставив свой роскошный особняк в Бель-Эйр последней жене.

И пока – тьфу-тьфу-тьфу! – их совместная жизнь складывалась настолько удачно, насколько только можно было желать. Они любили друг друга, а поскольку Хант обладал покладистым, мягким характером (порой он вообще напоминал Талли большого плюшевого мишку), он сразу подружился с Макс. Хант был на редкость добр и внимателен к девочке, и Талли нравилось думать, что он в какой-то мере заменит той отца, которого у нее никогда не было.

Кроме чувств, которые они питали друг к другу, их объединяла работа. Талли и Хант снимали уже второй совместный фильм. Первая лента, во время съемок которой они и сошлись, оказалась настоящим блокбастером, и оба были не прочь повторить успех. Вместе они могли работать гораздо эффективнее, чем поодиночке; Талли поняла это сразу, но вовсе не это удерживало ее и Ханта вместе. Пожалуй, впервые за двадцать лет она чувствовала себя по-настоящему счастливой и не осмеливалась мечтать о большем. Хантер Ллойд и стабильные, ровные, прочные отношения ее вполне устраивали. Несмотря на громкие профессиональные успехи, Талли всегда была человеком скромным и предпочитала вести спокойную, тихую, незаметную жизнь. Впрочем, на светские мероприятия и буйные вечеринки в кругу прочих голливудских знаменитостей у нее все равно не было времени – она либо снимала очередную ленту, либо готовила ее к выходу на экран. По совести сказать, дни, когда она не работала, можно было пересчитать по пальцам одной руки.

Карьера Талли в кино складывалась гораздо удачнее, чем личная жизнь. В двадцать один, вскоре после рождения дочери, Талли «открыл» один голливудский агент, причем – словно в дешевых романах – произошло это не где-нибудь, а в супермаркете, где Талли стояла в очереди к кассе. После проб, которые агент считал в высшей степени удачными, Талли довольно скоро получила роль в фильме – не главную, естественно, но и не в массовке. Откровенно говоря, она согласилась сниматься только в память о матери, которая всегда мечтала, что ее дочь делается звездой экрана. Будь Белинда жива, для нее это значило бы очень и очень много, и Талли это отлично понимала. И надо сказать, что со своей ролью она справилась великолепно. Фильм имел успех, однако сниматься Талли не понравилось. Нисколько не прельщали ее и прочие атрибуты актерского ремесла, такие как популярность и слава. За время, пока шли съемки, она лишь окончательно убедилась, что это не для нее, что ее место не перед камерой, а за ней. И вот, несмотря на настояния агента, который чуть не на коленях умолял ее продолжать сниматься и даже предложил ей на выбор несколько крупных ролей, где Талли могла бы блеснуть (а он был человеком многоопытным и сразу понял, что перед ним почти готовая звезда, которой не хватает лишь опыта и некоторой профессиональной подготовки), она решила, что будет заниматься режиссурой. Эта работа нравилась ей куда больше, и, хотя ей не хватало специальных знаний, Талли готова была учиться.

Как только закончился ее академический отпуск, она поступила на режиссерское отделение кинематографического колледжа при том же Южно-Калифорнийском университете. Ее первой самостоятельной работой стал небольшой малобюджетный фильм, который она снимала

мала фактически за свой счет – с деньгами ей помог отец, который сразу поверил в ее талант. Лента «Мужчины и женщины как они есть» практически сразу стала культовой, а имя Талли Джонс попало в серьезную профессиональную прессу, где ее называли «перспективным» и «многообещающим» молодым режиссером.

Дальнейшая карьера Талли развивалась исключительно по восходящей. Первые же ее большие работы получили в прессе восторженные отзывы и сделали очень неплохие сборы. За семнадцать лет режиссерской работы Талли стала настоящей знаменитостью и живой легендой Голливуда, но сама она об этом почти не задумывалась. Ей просто нравилось то, что она делает. Не по душе Талли было все, что сопутствовало работе, – известность, навязчивое любопытство журналистов и фанов, необходимость присутствовать на премьерах и других рекламных мероприятиях и тому подобное. Меньше всего на свете Талли любила оказываться в центре внимания. Это, считала она, больше подобает актерам, а ей... К чему? Какая ей от этого польза? Не станет же она лучше снимать оттого, что о ней станут чаще писать в глянцевых журналах. Именно поэтому Талли в свое время отказалась от актерской карьеры, решив, что лучше она будет снимать фильмы, чем играть в них. К тому же быть режиссером нравилось ей гораздо больше. Актер, считала она, отвечает только за свой узкий участок, за роль, которую исполняет, тогда как режиссер работает со всеми актерами сразу, подсказывая им, как лучше сыграть тот или иной эпизод или сцену, чтобы максимально раскрыть заложенный в сценарии потенциал. Кроме того, постоянно вращаясь в мире кино, Талли видела, во что она могла превратиться, если бы не отказалась от карьеры актрисы. Возможно, она и стала бы звездой, но перестала быть творческой личностью и... порядочным человеком.

Нет, она поступила совершенно правильно, когда предпочла режиссуру. В этом амплуа Талли чувствовала себя на своем месте; она была творцом, художником, а главное – отлично понимала, что конечный успех во многом зависит от ее собственных усилий, и старалась отшлифовать, довести до совершенства каждую сцену фильма, без конца переделывая и внося новые и новые улучшения в то, что казалось безупречным постороннему глазу. Только такая работа давала ей желанное удовлетворение. Быть звездой Талли совсем не хотелось, и, хотя ее успеху завидовали многие, она прилагала порой значительные усилия, чтобы оставаться в тени.

С годами она выработала вполне определенный стиль, который ее устраивал, и большую часть времени была вполне довольна тем, как идет ее жизнь. Дошло до того, что, когда Талли впервые номинировали на «Золотой глобус», ей пришлось срочно приобретать подходящее платье, чтобы отправиться на церемонию: в ее гардеробе просто не нашлось ничего подходящего, что она могла бы надеть по столь торжественному случаю. Собственно говоря, у нее и не было никакого гардероба, если не считать одежды, в которой она работала на площадке и которая делала ее похожей на бездомную бродяжку. Талли, однако, нисколько не переживала по этому поводу. Одежда должна быть практичной, удобной, чистой и недорогой – такой, чтобы не жалко было выбросить, считала она, и Хант был с нею вполне согласен. Он принимал Талли такой, какая она есть, и ему было все равно, как она одевается и как себя ведет.

Сам он, впрочем, был человеком куда более светским и принимал активное участие в жизни Голливуда, где его имя значило довольно много. Успех, однако, нисколько не вскружил ему голову; вместо того чтобы проводить вечера в дорогих ресторанах в обществе звезд и их прихлебателей, Хант возвращался к Талли, причем делал это с явным удовольствием. Дело было, впрочем, не в так называемом «домашнем уюте», поскольку когда он приезжал в их общее жилище, то чаще всего заставал Талли лежащей на диване в окружении рассыпанных повсюду страниц очередного сценария. Нередко бывало и так, что она надолго отправлялась куда-нибудь на натурные съемки. В этих случаях – если, конечно, Талли не снимала на другом континенте – Хант старался приехать к ней хотя бы на несколько часов, несмотря на то что своих дел у него хватало. Кино было для него весьма прибыльным бизнесом; в особенности

это касалось фильмов, снятых Талли, а как она при этом одевается и дает ли себе труд как следует расчесать волосы, его заботило мало.

Сейчас Талли находилась на натурных съемках в окрестностях Палм-Спрингс. Помимо трейлера, где разместился ее рабочий офис, в городе у нее был номер в гостинице, где она могла переночевать, однако Талли пользовалась любой возможностью приехать домой в Лос-Анджелес и побыть с Хантом. Если же съемки затягивались допоздна, Хант приезжал к ней сам.

Прежде чем покинуть съемочную площадку, Талли планировала просмотреть отснятые за день материалы – особенно последний дубль, который представлял собой ключевую сцену фильма. Воткнув в волосы три цветных карандаша и фломастер, чтобы делать необходимые записи и пометки, она ответила на поступившие по электронной почте сообщения и уже собиралась идти в операторский фургон смотреть «потoki»³, когда на дороге, ведущей к площадке, появилось облако желтой пыли. Оно быстро приближалось, и вскоре Талли различила мчащийся чуть впереди облака серебристый «Астон Мартин». Спустя несколько секунд изящный кабриолет затормозил перед трейлером, но облако пыли почти сразу настигло машину, и Талли зажмурилась, прикрывая рот рукой, чтобы не закашляться.

Хлопнула дверца, и из машины выбралась чрезвычайно эффектная молодая женщина в ультракороткой юбке с невероятно длинными стройными ногами и потрясающей фигурой. Как и Талли, она была блондинкой, но ее растрепавшаяся на ветру грива еще хранила следы тщательной укладки. Запястье ее украшал массивный бирюзовый браслет, в ушах сверкали бриллиантовые «гвоздики». Она казалась еще выше и стройнее в босоножках на высокой платформе из прозрачного пластика, внутри которой плавали в специальном геле крошечные золотые блески.

– Черт, я, кажется, опоздала! Съемки уже закончились? – Владелица «Астон Мартина» озабоченно нахмурилась. Талли, напротив, добродушно усмехнулась.

– Не волнуйся, Бриджит, все прошло отлично. Если хочешь, можешь посмотреть «потoki» вместе со мной, я как раз собиралась в операторскую.

Бриджит вздохнула с нескрываемым облегчением.

– Ты не поверишь, на шоссе был настоящий кошмар, я едва пробились! Две огромные пробки по полчаса каждая – можешь в это поверить?! И это на восьмиполосной трассе!.. – Бриджит раздраженно тряхнула волосами.

Выглядела она как самая настоящая кинозвезда. В своих босоножках-«небоскребах» она была на пару дюймов выше Талли; макияж, без которого Бриджит никогда не появлялась на людях, выглядел идеально, а одежда была подобрана с таким расчетом, чтобы подчеркнуть соблазнительную фигуру и стройные ноги. Словом, кроме некоторого поверхностного сходства, Бриджит была полной противоположностью Талли. Все в ней – от одежды и косметики до жестов и манеры держаться и говорить – было тщательно продумано и рассчитано на то, чтобы привлекать к себе внимание. Сама Талли предпочитала держаться как можно незаметнее; впрочем, ее профессия в том и заключалась, чтобы как можно выгоднее подать других, а не себя. А Бриджит Паркер внимание окружающих любила, поэтому старательно выставляла напоказ все, чем наделила ее природа. И она, и Талли были высокими, стройными и светловолосыми, однако посторонний человек сразу подумал бы, что Бриджит как раз и есть та самая голливудская знаменитость. Талли он, скорее всего, просто не заметил бы, поскольку ей в большинстве случаев было наплевать, как она выглядит. Точнее, она никогда не задумывалась об этом всерьез. Бриджит, напротив, тщательно заботилась о своей внешности и прилагала значительные усилия к тому, чтобы произвести на окружающих самое сильное впечатление. «Пусть они все попададут!» – таков был ее негласный девиз.

³ «Потоки» (киножаргон.) – текущий съемочный материал фильма.

Одним из результатов этих усилий стало то, что Бриджит выглядела лет на десять моложе своего истинного возраста. Они с Талли были ровесницами, но Бриджит нельзя было дать больше двадцати пяти-двадцати восьми. Талли, впрочем, тоже выглядела моложе своих лет, хотя и не делала для этого ровным счетом ничего. Все дело было в ее природной худобе и привычке одеваться в потрепанные джинсы и растянутые, мешковатые майки, которые делали Талли похожей на девочку-подростка. Бриджит гордилась своими грудными имплантатами и искусственно удлиненными ресницами, к тому же она регулярно делала инъекции ботокса и коллагена и каждый день проводила по полтора-два часа в самом дорогом голливудском фитнес-клубе. На поддержание своей внешности она тратила немало времени, но оно окупалось сторицей.

Кинозвездой, впрочем, она никогда не была. Они с Талли познакомились семнадцать лет назад в киноколледже Южно-Калифорнийского университета, куда Бриджит поступила учиться, собираясь стать актрисой. Все в колледже знали, что она дочь богатых родителей из Сан-Франциско и может позволить себе не работать, однако Бриджит мечтала о звездной карьере. Как и Талли, она рано лишилась матери, но ее отец почти сразу женился на женщине много моложе себя. Как утверждала Бриджит, именно перспектива каждый день «общаться с этой дурой – моей мачехой» и заставила ее перебраться в Лос-Анджелес.

Когда Талли снимала свою первую самостоятельную картину, она наняла подругу в качестве личной помощницы, и та показала себя столь аккуратной и столь эффективно справлялась с повседневной мелочовкой, что Талли попросила Бриджит ассистировать ей и на съемках следующей ленты. С тех пор обе женщины постоянно работали вместе. Бриджит, которая взяла на себя большинство организационных вопросов, существенно облегчала жизнь Талли, полностью избавив ее от всего, что не имело непосредственного отношения к режиссуре. И как ни странно, ей это даже нравилось.

В конце концов Бриджит отказалась от своей мечты сделать карьеру в кино – по правде сказать, помимо яркой внешности, у нее не обнаружилось никаких иных данных для актерской карьеры – и сделалась постоянной ассистенткой Талли. Она представляла свою патронессу на всех официальных мероприятиях, яростно защищала ее от пронырливых репортеров и заботливо опекала в повседневной жизни. Бриджит часто говорила, что ради подружки она готова подставить голову под пули, и это не было преувеличением: Талли еще никогда не встречала человека более преданного и готового поступиться ради нее своими интересами. Кроме того, она остро нуждалась в помощи подобного рода, поскольку свойственная ей неискушенность и даже некоторая наивность требовали присутствия рядом человека более опытного, который отстаивал бы ее интересы и оберегал от трудностей.

Бриджит же делала все это с удовольствием, она освободила Талли от всех хлопот, так что руки у нее оказались полностью развязаны. Только благодаря подружке Талли смогла всецело посвятить себя творчеству; понимая это, она была бесконечно благодарна Бриджит за все, что та делала для нее на протяжении всех семнадцати лет их знакомства и продолжала делать до сих пор. Главное, сложившееся положение устраивало обеих, и Бриджит вовсе не стремилась что-то в нем менять. Со временем они стали еще более близки, и Талли очень дорожила этой дружбой: работа отнимала почти все ее время, поэтому никаких других подруг у нее не было. Она, впрочем, не особенно в них нуждалась, во-первых, потому, что никогда не любила шумные компании, а во-вторых, потому, что Бриджит заменяла ей всех. Она заботилась о Талли, опекала ее, помогала и поддерживала, изрядно гордясь той легкостью, с какой ей удавалось справляться с многочисленными делами. Казалось, не было проблемы, которую Бриджит не могла бы решить, и никакие трудности ее не пугали.

Талли и Бриджит вместе отправились к операторскому трейлеру, чтобы просмотреть отснятый за день материал. По пути Талли оживленно рассказывала, как хорошо оператор выбрал угол съемки и как удачно падал свет. Подруга слушала ее и морщилась – дорожка, по

которой они шагали, была засыпана крупной галькой, и каблук ее босоножек то скользили, то застревали между камнями.

– Не хочешь завести себе нормальную обувь? – поддразнила подругу Талли.

Это была их дежурная шутка – Бриджит никогда не покупала туфли, каблук которых был бы ниже шести дюймов. Она считала, что обувь на высоком каблуке выгодно подчеркивает ее и без того длинные ноги, и они действительно выглядели очень сексуально, причем в большинстве случаев никаких затруднений при ходьбе Бриджит не испытывала. Стильные туфли на высоком каблуке или на платформе она носила с такой непринужденностью, словно это были удобные домашние тапочки.

– Ты имеешь в виду – как твои древние кеды? – усмехнулась в ответ Бриджит.

Высокие баскетбольные кроссовки «Конверс», которые носила Талли, были изрядно растоптаны и кое-где начинали рваться, а шнурков она принципиально не признавала. Дома у нее была еще одна почти новая пара, но в Палм-Спрингс Талли взяла свои любимые, неоднократно испытанные «конверсы», которые, как ей казалось, сидели на ноге просто идеально. Будь у нее такое желание, она могла бы выглядеть столь же соблазнительной и сексуальной, как Бриджит, однако Талли никогда не ставила перед собой подобной задачи, да и Хант не требовал от нее ничего в этом роде. Ему нравился ее характер и блестящий, творческий ум; что касалось небрежности в одежде, то она была частью индивидуального стиля Талли, который несколько не уменьшал ее природного обаяния. Бриджит тоже считала свою работодательницу невероятно талантливой. И она, и Хант были уверены, что рано или поздно Талли признают одним из величайших режиссеров континента, а может быть, и всего мира.

В трейлере обе женщины устроились в удобных креслах и некоторое время просматривали отснятые за день эпизоды. Талли казалась сосредоточенной, почти хмурой. Так всегда бывало, когда она погружалась в работу. На взгляд Бриджит, съемки были безупречны, но от Талли не ускользала ни одна мелочь: несколько раз она просила остановить воспроизведение и диктовала редакторам-монтажерам свои замечания, которые они должны были учесть при окончательной обработке материала. Взгляд у нее был наметанный – Талли с легкостью подмечала такие вещи, на которые человек менее опытный или менее талантливый не обратил бы внимания или счел пустяком, не стоящим затраченного на его устранение времени и труда. Талли, однако, знала, что именно мелкие недочеты и пустячные ошибки способны погубить самый лучший материал. Прежде чем покинуть трейлер, она подробно объяснила художественному редактору и монтажерам, чего именно она от них добивается.

Когда подруги вышли наконец на улицу, Талли выглядела усталой, но довольной.

– Что ты собираешься делать вечером? – поинтересовалась Бриджит.

В багажнике «Астон Мартин» лежала дорожная сумка со всем необходимым на случай, если Талли попросит ее задержаться в Палм-Спрингс до утра. Служебные обязанности всегда были для Бриджит на первом месте, поэтому свои собственные планы она строила с учетом планов Талли. Кому-то подобная зависимость могла не нравиться, но Бриджит она несколько не беспокоила, и это делало ее весьма ценным работником. С какой стороны ни посмотри, для подруги она была идеальной помощницей.

– Даже не знаю, – ответила Талли, слегка пожимая плечами. – Ты не звонила Ханту, перед тем как отправиться сюда? – Больше всего Талли хотелось вернуться в Лос-Анджелес и побыть с ним, но она знала, что доберется до города не раньше девяти часов – и это в лучшем случае.

– Звонила, – кивнула Бриджит. – Он сказал, что если ты вернешься домой, то он приготовит ужин, но, если ты решишь остаться, он постарается сам приехать к тебе.

Талли задумалась. Пожалуй, решила она, сегодня ей лучше переночевать дома, даже если она сможет пробыть там всего несколько часов. Правда, подобная поездка означала, что этой ночью ей вряд ли удастся как следует отдохнуть, так как завтра Талли снова нужно было быть на площадке, однако это ее не пугало: она давно привыкла спать по два-три часа и вста-

вать чуть свет. Кроме того, Хант отлично готовил, и это было не последним обстоятельством, повлиявшим на ее выбор.

– Пожалуй, я все-таки поеду домой, – решила она.

– Тогда я тебя отвезу, – предложила Бриджит. – Заодно немного подремлешь по дороге, а то мне кажется, что ты устала.

– О'кей, спасибо, – кивнула Талли.

Она действительно устала – как и всегда, когда работала на съемочной площадке, но это была привычная и приятная усталость. Когда Талли не уставала, ей всегда начинало казаться, будто она где-то что-то недоделала или схалтурила.

Пока Бриджит набивала эсэмэс Ханту, Талли зашла в свой трейлер за сумкой. Эту сумку из прочного брезента со множеством отделений и карманов она купила несколько лет назад на распродаже и с тех пор использовала вместо дамской сумочки. Собственно говоря, сумка предназначалась для автомобильных инструментов, однако Талли носила в ней сценарий, над которым принималась работать, как только у нее выдавалась свободная минутка. Она вообще работала постоянно, то и дело записывая новые идеи и замечания, которые относились как к текущим, так и к будущим проектам. Бриджит даже шутила, мол, ее голова работает слишком быстро и, пока тело снимает один фильм, мозг уже обдумывает следующий.

Пока Талли ходила за сумкой, Бриджит успела предупредить Ханта о ее приезде. За сегодняшний день Бриджит уже сделала с дюжину деловых звонков, выполнила несколько мелких поручений, оплатила текущие счета Талли, а также заказала в Нью-Йорке кое-какие вещи для Макс. При этом она ничего не забыла и ничего не перепутала, так что Талли была совершенно права, когда говорила, что другой такой внимательной и собранной женщины она в жизни не встречала. Хант был с нею совершенно согласен – он часто повторял, что Талли очень повезло встретить такого человека, как Бриджит. Дело даже не в ее способностях или в том, как тщательно и умело она исполняет свои обязанности, добавлял он, а в том, что ее устраивает положение ассистентки, помощницы, то есть фактически – прислуги. Для женщины из состоятельной семьи это редкость.

Впрочем, Хант признавал, что в работе персональной помощницы известного человека имелись и свои плюсы. Бриджит была как бы вторым «я» Талли, ее полномочным представителем в большом мире. Она достаточно часто выступала перед прессой вместо своей работодательницы, поэтому широкая публика хорошо знала ее в лицо. Многие даже принимали ее за Талли, благо внешность Бриджит полностью соответствовала сложившимся в общественном сознании представлениям о том, как должна выглядеть настоящая знаменитость. Каждый раз, когда Бриджит выражала свое восхищение новым дизайнерским платьем, костюмом, меховым жакетом или ювелирным украшением, владельцы магазинов и бутиков считали своим долгом продать их ей по себестоимости или вовсе преподнести в подарок. При этом они надеялись, что Бриджит убедит свою знаменитую работодательницу покупать вещи только у них, не зная, насколько мало интересуют Талли наряды и украшения. Бриджит же всю пользовалась своим исключительным положением, и надо сказать, что в обновках от самых известных и модных дизайнеров она выглядела совершенно сногшибательно. На «Астон Мартин» она тоже получила значительную скидку. Помимо машины и дорогой одежды, Бриджит владела также роскошным особняком с бассейном на Голливудских холмах.

Иными словами, жилось ей очень неплохо, благо обязанности личной помощницы Талли, хотя и были достаточно разнообразными, не слишком ее обременяли. С делами Бриджит справлялась, что называется, одной левой, причем за семнадцать лет умудрилась не совершить ни одного сколько-нибудь серьезного промаха или ошибки. Правда, будучи единственной дочерью состоятельных родителей, она могла бы вообще не работать, однако, как она сама не раз говорила, ей доставляло истинное удовольствие помогать Талли.

Кроме того, это был удобный предлог, чтобы как можно меньше общаться с отцом и мачехой. Бриджит было приятно думать, что всего, что у нее было, она добилась самостоятельно, а не благодаря семейному капиталу, хотя она и призналась Талли, что за свой роскошный особняк она заплатила из средств, доставшихся ей по наследству после смерти матери. Это, впрочем, было достойное вложение денег, так как теперь дом Бриджит стоил в два, а то и в три раза больше, чем когда она его покупала. Прочие же ее нужды с лихвой покрывались более чем щедрой зарплатой, которую платила ей Талли, так что Бриджит вела вполне обеспеченную жизнь. Со стороны могло даже показаться, будто она живет в куда большей роскоши, чем ее нанимательница, и это действительно было так или почти так.

На самом деле Талли зарабатывала достаточно, чтобы позволить себе и огромный дом со слугами, и несколько дорогих машин, и роскошные наряды от всемирно известных кутюрье и дизайнерских фирм. Ее, однако, не интересовали ни показной блеск, ни бурная светская жизнь. Все, что ей было нужно, она черпала в творчестве и в отношениях с Хантом – об остальном Талли просто не думала. Такой она была с детства; скромность была врожденной чертой ее характера, хотя Талли и выросла в обеспеченной семье. Впрочем, средства, которыми располагал ее отец, были пустяком по сравнению с состоянием родителей Бриджит, детство которой прошло в совершенно иных условиях. Если судить по ее собственным рассказам, она ни в чем не знала отказа и могла позволить себе многое. Это, впрочем, не мешало ей до сих пор пребывать с родными в натянутых отношениях. Изредка Бриджит ездила в Сан-Франциско, чтобы навестить отца и мачеху, а когда возвращалась – без перерыва брюзжала и жаловалась. Фриско она считала отвратительным городом и по-прежнему не переваривала свою мачеху, да и с отцом Бриджит не ладила, не в силах простить ему скорую женитьбу на другой женщине.

Таким образом, единственным ее близким человеком была Талли, о которой она заботилась и за которую по-настоящему переживала на протяжении всех семнадцати лет их знакомства. Талли, со своей стороны, относилась к Бриджит точно так же. Она была для нее даже больше чем подруга: для Талли Бриджит стала почти как сестра, которой у нее никогда не было, для Макс же она была доброй и снисходительной тетушкой. Девочка, в свою очередь, обожала «тетю Брит» и делилась с нею самыми сокровенными тайнами, которые не доверяла даже родной матери. Дело, однако, было не в том, что Талли и Макс не могли найти общий язык, просто съемки, в том числе и натурные, отнимали у Талли слишком много времени, поэтому она не всегда оказывалась «под рукой», когда Макс хотелось посекретничать. На самом же деле они с дочерью отлично ладили, и чем старше становилась Макс, тем теснее и доверительнее были ее отношения с матерью.

Усевшись на пассажирское сиденье «Астон Мартин», Талли застегнула ремень безопасности и, откинувшись на спинку сиденья, уже потянулась за сумкой, чтобы достать оттуда свой экземпляр сценария, как вдруг почувствовала, что за сегодняшний день она действительно сильно устала. День выдался довольно длинный – на площадке Талли работала с пяти утра, а когда дневные съемки закончились, просматривала готовый материал и отдавала распоряжения монтажерам. Перед самым отъездом ей принесли новую порцию поправок к сценарию, и она собиралась просмотреть их по дороге, но сейчас ей казалось – она не в силах просто пошевелиться, не говоря уже о том, чтобы вникать в суть сделанных сценаристами изменений.

– Может, лучше поспишь? – предложила Бриджит, от которой не укрылись колебания Талли. – Прочтешь свой сценарий завтра, на свежую голову. Утром я заеду за тобой пораньше, и ты сможешь поработать на обратном пути. Сейчас от твоих усилий все равно особого толку не будет, как бы ты ни старалась.

Уговорить Талли дать себе хоть небольшую передышку можно было только таким способом: к работе она относилась ответственно и добросовестно, но порой перебарщивала, доводя себя до полного изнеможения.

– Ну хорошо, – со вздохом согласилась Талли. – Так и быть, сейчас отдохну, но завтра...

И она снова вздохнула. Талли не представляла себе, что бы она делала без Бриджит. На нее всегда можно было положиться, и Талли надеялась, что так будет продолжаться и дальше – до тех пор, пока они обе не состарятся. Ее страх остаться без помощницы был столь велик, что она несколько раз заговаривала об этом с Бриджит, но та только смеялась и говорила, что они не расстанутся до самой смерти и что их, быть может, даже положат в одну могилу. Она действительно не испытывала никакого желания ни сменить работу, ни даже перейти от Талли к другому работодателю, хотя предложения, которые делали ей другие кинематографисты и даже некоторые крупные бизнесмены, были весьма и весьма соблазнительными. В деньгах Бриджит не нуждалась – главным для нее были личные отношения с Талли, поэтому всем, кто пытался ее нанять, она четко и недвусмысленно давала понять, что не бросит свою лучшую подругу за все сокровища мира.

– Если кто-то увидит меня в твоей машине, то, скорее всего, решит, что ты подобрала на шоссе автостопщицу, – сказала Талли, разглядывая свое отражение в зеркале заднего вида. – Не боишься, что я тебя скомпрометирую?

– Нисколько, – ответила Бриджит и хихикнула: – Хотя ты больше похожа на бродягу из тех, что копаются в помойках и мусорных баках. Может, тебе стоило бы как-нибудь попробовать причесаться? Просто для разнообразия, а?..

Сама Бриджит, в отличие от подруги, тщательно следила за своей прической и даже пользовалась искусственным наращиванием волос. Это добавляло двум женщинам сходства; вся разница заключалась в том, что белокурая грива Талли редко бывала в порядке. Она, правда, не особенно о ней заботилась, да и условия ее труда были совсем не такими, как у Бриджит. Если помощнице приходилось больше работать с бумагами или с телефоном, то Талли то и дело карабкалась по лестницам и мосткам или поднималась вверх на операторском кране, стараясь подобрать самый выигрышный ракурс. Она могла часами просиживать на солнцепеке и только отмахивалась, когда Бриджит советовала ей нанести на кожу специальный крем, предотвращающий появление ранних морщин. Талли могла, не особо задумываясь, сесть на землю или даже лечь в грязь, чтобы как можно лучше сориентировать главную или вспомогательные съемочные камеры, но несмотря на это – даже обожженная солнцем, с растрепанными волосами и в испачканной одежде, – она каким-то чудом оставалась на редкость привлекательной женщиной. Это было природное свойство, которому многие завидовали. Талли как будто светилась изнутри, а когда ей говорили об этом, утверждала, что это работа дает ей бодрость и энтузиазм. Бриджит, в отличие от нее, приходилось прилагать немало усилий, чтобы выглядеть на все сто. Она тщательно продумывала каждую мелочь, каждую деталь прически и гардероба, а у Талли никогда не хватало на это времени, да она и не хотела тратить драгоценные часы на всякие пустяки. Каждую свободную минуту она посвящала работе и чувствовала себя вполне счастливой.

– Зачем причесываться, если я все равно собираюсь спать? – вопросом на вопрос ответила Талли и неожиданно зевнула.

Только сейчас она начала сознавать, насколько сильно устала. Хорошо, что Бриджит согласилась отвезти ее домой. Пара часов сна, пусть даже в движущейся машине, должна ее освежить. Быть может, потом ей даже удастся немного поработать над сценарием...

– Действительно, зачем?... – фыркнула Бриджит. – Ну ладно, закрой глаза и спи. Когда приедем, я тебя разбужу.

– Спасибо... – пробормотала Талли, послушно опуская ресницы.

Когда пять минут спустя Бриджит выруливала на шоссе, ведущее к Лос-Анджелесу, она уже спала, и только по губам ее блуждала легкая улыбка.

Скоро она будет дома...

Глава 2

Остановившись перед особняком в Бель-Эйр, Бриджит легонько тронула подругу за плечо. Талли не любила выставлять богатство напоказ, однако дом у нее был очень красивый. Изящный и пропорциональный, но без архитектурных излишеств, с просторными комнатами открытой планировки, он производил очень приятное впечатление и как будто дышал спокойствием и уютом, хотя его обстановка могла показаться по-спартански скудной. Талли, впрочем, это устраивало – она не выносила беспорядочного нагромождения мебели и старалась обходиться самым необходимым. Кроме этого особняка, у нее был еще один дом в Малибу, которым она за недостатком времени пользовалась довольно редко, квартира в Нью-Йорке, где сейчас жила Макс, а также небольшая уютная квартирочка в Париже, купленная Талли после первого большого успеха. Об этом она давно мечтала, и теперь ей было приятно сознавать себя обладательницей квартиры, из окон которой открывался живописный вид на монастырский парк и Эйфелеву башню. К сожалению, в последний раз Талли была во Франции три года назад, и квартира в основном пустовала. Время от времени она предоставляла ее знакомым, а в прошлом году, когда Талли была на съемках в Африке, там целую неделю жила Бриджит, которая решила устроить себе небольшие каникулы во Франции. Похоже, Хант был прав: что ни говори, а должность персонального помощника знаменитости имела свои – и весьма значительные – плюсы. Правда, служебные обязанности зачастую вынуждали ассистентку жить интересами патрона, отказываясь от собственной личной жизни, но это возмещалось возможностью пользоваться почти теми же привилегиями и преимуществами, что и наниматель. Бриджит, впрочем, практически никогда не приходилось жертвовать личным, чтобы исполнять свою работу, благо ее подруга была не слишком требовательна. Например, сегодня вечером у Бриджит было назначено свидание, но она готова была перенести его на более позднее время или даже отложить, если бы Талли вдруг понадобилась ее помощь. С другой стороны, Бриджит была уверена, что ничего экстраординарного не случится и она попадет на свое свидание вовремя.

– Ну вот ты и дома, – негромко сказала Бриджит, как только Талли открыла глаза.

Экземпляр сценария с последними исправлениями все еще лежал у нее на коленях, и она убрала его в сумку. Бриджит была права – она сможет посмотреть его и утром. Впрочем, после двухчасового сна в машине Талли чувствовала себя немного бодрее, хотя в первую минуту никак не могла сообразить, где находится.

– Я что, всю дорогу продрыхла? – пробормотала Талли. – Ну и ну!.. – И она рассмеялась.

Улыбка сделала ее еще моложе, и на несколько мгновений Талли сделалась похожа на подростка. Из ее хвоста по-прежнему торчали фломастер и несколько карандашей, и сейчас, машинально проведя рукой по волосам, она нащупала их и убрала в сумку.

Бриджит тоже улыбнулась, но ее улыбка была снисходительной, как у взрослой женщины, которая смотрит на чумазого, растрепанного ребенка.

– Хант прислал мне эсэмэску, сообщил, что ужин готов. Ты – счастливая женщина, Талли, – добавила она, пока подруга выбиралась из машины.

– Да, – легко согласилась Талли.

Она отнеслась не слишком серьезно к словам подруги, так как отлично знала: Бриджит не прельщается сколько-нибудь длительными отношениями. Она весьма дорожила своей свободой и часто меняла мужчин, причем предпочитала в основном парней помоложе. Большинство ее мужчин были актерами, снимавшимися в фильмах Талли. Они были «слабостью» Бриджит, причем больше всего ей нравились «плохие парни», способные на какую-нибудь скандальную выходку. Ни один из них, впрочем, не продержался достаточно долго, чтобы в полной мере реализовать свою склонность к хулиганским поступкам. В большинстве случаев Бриджит спала

с очередным любовником, пока шли съемки фильма, когда же работа заканчивалась, заканчивался и их роман, после чего каждый продолжал жить собственной жизнью. Бриджит это более чем устраивало, ее кратковременных партнеров, по-видимому, – тоже.

– Я заеду за тобой в половине пятого, – предупредила Бриджит, и Талли, уже успевшая подняться на крыльцо, обернулась и помахала ей рукой на прощание.

Завтра ей нужно было быть на съемочной площадке не позже шести утра. Это означало, что грядущая ночь снова будет до обидного короткой, но Талли уже привыкла спать по три-четыре часа в сутки. Пока идет работа над фильмом, отдыхать некогда, отоспаться она сможет, когда картина будет сдана в прокат.

Прежде чем Талли успела вставить ключ в замок, входная дверь распахнулась, и на крыльцо шагнул высокий мужчина с темными вьющимися волосами и короткой бородкой, обрамлявшей привлекательное лицо с правильными чертами. На нем были шорты и белая футболка, поверх которой он повязал фартук. Прижав Талли к себе, мужчина крепко поцеловал ее в губы, потом оба скрылись в доме, и дверь закрылась.

Проводив подругу взглядом, Бриджит посмотрела на наручные часы от Картье и, нажав на педаль, снова выехала на дорогу. Один из молодых актеров, снимавшихся в фильме Талли, уже давно дожидался Бриджит у нее дома. Они договаривались встретиться в десять, но Бриджит, предвидя, что может задержаться, дала ему запасной ключ. Томми было двадцать шесть, и он был чертовски горячей штучкой.

Когда минут через десять она добралась до своего особняка, Томми плавал в бассейне. Никакой одежды на нем не было.

– Какое восхитительное зрелище! – приветствовала его Бриджит, сбрасывая юбку.

Потом настал черед блузки и лифчика. Ее груди, в которые она вложила несколько тысяч долларов, были безупречной формы, и молодой актер тарашился на них с нескрываемым вожделением. Тело у Бриджит тоже было на редкость соблазнительным, и она умело этим пользовалась.

– Иди сюда, красотка! – позвал Томми.

Он явно наслаждался и теплой водой бассейна, и перспективой провести еще одну жаркую ночь с Бриджит Паркер. Они встречались уже полтора месяца – чуть меньше того времени, что шли съемки фильма. Никаких обещаний и клятв они друг другу не давали и не собирались, единственной их целью было получить удовольствие. И у них это неплохо получалось; Бриджит, во всяком случае, была довольна.

Сбросив туфли, Бриджит коротко взмахнула руками и бросилась в бассейн. Спустя несколько секунд ее голова появилась над поверхностью воды между разведенными ногами Томми, и молодой актер одобрительно рассмеялся. Бриджит была роскошной женщиной, к тому же она умела сделать мужчине приятно. Кроме того, Томми надеялся, что она поможет ему получить роль в следующем фильме Талли Джонс. Бриджит, правда, ничего не обещала, но по некоторым намекам он понял, что это не исключено. Впрочем, даже если бы она ничего для него не сделала, Томми все равно не стал бы жалеть о том, что связался с Бриджит. Они прекрасно проводили время вдвоем, к тому же Бриджит слыла одной из самых влиятельных женщин Голливуда и могла замолвить за него словечко если не перед Талли Джонс, то перед каким-нибудь другим известным режиссером. Поладить с ней было легко; единственное, чего она не терпела, так это если кто-то начинал злословить в адрес Талли в ее присутствии. Такого человека она готова была разорвать на кусочки, но Томми и не собирался совершать подобной ошибки. Его, правда, несколько удивляло, как в наше время можно быть столь верной подругой, но об этом он задумывался редко. Секс с Бриджит был лучшим из всего, что Томми испытывал в жизни, и это было единственным, что имело значение.

Не успела Талли войти в кухню, как Хант подал ей бокал охлажденного белого вина. Положив на кухонный стол сумку и сценарий, Талли сделала небольшой глоток и огляделась, с улыбкой принюхиваясь к витавшим в воздухе аппетитным ароматам. Высокие французские окна кухни выходили на небольшую открытую веранду в саду, и некоторое время спустя Хант и Талли вышли из дома и сели за небольшой плетеный столик.

Талли была рада видеть Ханта и нисколько не жалела, что не осталась в Палм-Спрингс, пожертвовав парой лишних часов сна. Он, казалось, тоже был доволен ее приездом. По складу характера Хант был человеком спокойным и бесконфликтным; за все четыре года, что они прожили вместе, между ними ни разу не возникло никаких недоразумений, связанных с ее частым отсутствием. Они подходили друг другу почти идеально, и Талли считала редкой удачей свое знакомство с таким мужчиной, как Хант. Он никогда ее не разочаровывал и не огорчал, а ей, в свою очередь, нравилось обсуждать с ним рабочие дела. В кинобизнесе Хант был профессионалом и понимал ее с полуслова.

– Как прошел день? – поинтересовался он, снимая фартук и вешая его на спинку легкого садового стула.

Хант был выше Талли и выглядел статным мужчиной, хотя в последнее время слегка пополнил, так как любил вкусно поесть. Недавно ему исполнилось сорок пять, но черная борода, которую он отпустил, делала его несколько старше своих лет.

– Очень хорошо, – ответила Талли с улыбкой. – Мы уже заканчиваем. Кстати, когда ты собираешься в Палм-Спрингс?

– Завтра я не смогу, к сожалению, – у меня назначено несколько деловых встреч с партнерами. Может быть, послезавтра... – Он слегка пожал плечами. – А эта сцена смерти в пустыне, из-за которой ты так переживала?.. Все получилось, как ты хотела, или пришлось что-то переделывать?

Хант старался следить за всеми изменениями в сценарии, но их было слишком много, да и Талли достаточно часто что-то меняла, так сказать, в рабочем порядке. У нее был особый талант чувствовать малейшие шероховатости в сценах и диалогах. С другой стороны, она всегда поощряла актеров импровизировать, добавлять к сценарию что-то свое, благодаря чему ее фильмы и получались такими «живыми» и естественными. Это, правда, требовало дополнительной режиссерской работы, однако до сих пор Талли справлялась.

– Нет, переделывать ничего не пришлось. Оператор нашел очень удачный ракурс, поэтому мы сняли сцену практически с первого раза, – сказала Талли с довольным видом. – Ну, показывай, что там у тебя? Я умираю с голода, – добавила она и снова принюхалась к запаху каких-то экзотических специй.

Хант часто баловал ее блюдами японской, корейской, китайской и тайской кухни. Казалось, у него был к ним особый талант, хотя и с французскими блюдами он тоже был неплохо знаком. В последнее время он также осваивал мексиканскую кухню – и довольно успешно. Готовить Хант любил, и если к ним приходили гости, они всегда съедали все и просили добавки. Талли очень нравилось возвращаться домой, где ее обязательно ждал какой-нибудь кулинарный сюрприз, и сегодняшний вечер, похоже, не был исключением. Блюдо, которое Хант выставил на стол, оказалось настолько вкусным, что Талли остановилась, только когда почувствовала, что не сможет съесть больше ни крошки. Кроме того, Хант припас для нее бутылку ее любимого вина «Кортон Шарлемань», и они прекрасно провели вечер, сидя на веранде и болтая о том о сем. Талли это напоминало романтический ужин: вино, вкусная еда, приятный разговор. Как будто в ресторане, только лучше, поскольку они были одни, к тому же ей не нужно было ни наряжаться, ни даже приводить в порядок волосы.

За ужином Хант рассказал Талли, как идет работа над их следующим совместным проектом. Новый фильм должен был сниматься главным образом в Италии, и Хант планировал провести это время с ней. На время съемок он собирался арендовать для них небольшую виллу

в Тоскане⁴, и Талли сказала, что это будет чудесно. Воодушевившись, Хант сообщил, что начал подбирать исполнителей и в самое ближайшее время намерен встретиться со страховщиками и инвесторами, чтобы обеспечить ленте достойный бюджет. В том, что у него все получится, Талли ни секунды не сомневалась – Хант не зря слыл одним из самых успешных продюсеров Голливуда. Его проекты всегда были детально проработаны и выглядели очень убедительно, да и имя Талли должно было сыграть свою роль. Вот почему она почти не удивилась, когда Хант, сделав таинственное лицо, поведал, что привлек к проекту крупного японского инвестора, который согласился финансировать новую ленту. Конечно, добавил он, любой японец будет просто счастлив дать деньги на фильм, который делает она, но надо, чтобы все детали соглашения были в порядке, и Талли кивнула. Она знала, что Хант никогда не полагается на авось: в своей работе он был таким же перфекционистом, как она сама.

– Я думаю, с японским инвестором дело решенное, – добавил Хант, когда после ужина они вместе убрали со стола. – Единственное условие, которое он выдвинул, это проведение аудиторской проверки нашей сметной документации, а также наших личных финансов. Наверное, этот тип хочет убедиться, что мы вполне платежеспособны и не сбежим с его деньгами. – Хант улыбнулся. – Ты ведь не против?

– Конечно, нет, – ответила Талли, целуя его. – Спасибо за ужин, дорогой, все было просто восхитительно. Что касается проверки, то я предупрежу Виктора Карсона, чтобы он предоставил аудиторам всю необходимую документацию. Мне скрывать нечего.

Талли, как и Ханту, не хотелось терять солидного инвестора, хотя она знала, что ей не составит труда найти средства на очередную картину. Просто на это могло потребоваться время, а Талли терпеть не могла даже небольших простоев в работе.

– Он хочет, чтобы нас проверяла очень известная независимая аудиторская компания, которую возглавляют два бывших фэбээровца. Я слышал – они очень дотошные ребята, зато инвестор будет доволен. Если они скажут «о'кей», значит, никаких сомнений быть не может. Японец будет уверен, что его не обманут, мы получим денежки и сразу начнем действовать. – Хант уже встретился со всеми крупными голливудскими агентами и договорился с ними насчет исполнителей главных ролей, чтобы к тому моменту, когда деньги начнут поступать на счета компании, контракты с актерами были уже готовы.

– Я скажу Бриджит, она позвонит Виктору уже завтра, – пообещала Талли, когда, погасив в кухне свет, они поднялись в спальню, главной отличительной чертой которой был огромный видеозэкран, занимавший почти всю стену.

Им обоим нравилось лежать в постели и смотреть старые фильмы. Талли всегда считала их образцами, на которых стоит учиться. Сегодня, впрочем, ей было не до кино. Время близилось к полуночи, и отступившая было усталость снова дала о себе знать, а ведь на завтра ей предстояло встать в четыре, чтобы вовремя поспеть на площадку. Кроме того, Талли собиралась позвонить Макс, но, когда она спохватилась, в Нью-Йорке было уже слишком поздно, и она решила, что позвонит дочери утром. А тут еще Хант сказал, что незадолго до того, как она вернулась домой, звонил ее отец, а он забыл сказать ей об этом сразу.

– Завтра ему нужно сдавать какие-то анализы, – пояснил Хант, заметив, что Талли забеспокоилась. – Он сказал – ничего особенного, обычная проверка. Еще он хотел знать, работаешь ли ты завтра, и я ответил, что да.

– Я могу попросить Бриджит отвезти папу в клинику, – сказала Талли. – Или лучше пусть это сделает Амелия, его домработница. Надо только ее предупредить.

Бриджит Сэм Джонс называл за глаза «секс-бомбой». «Сам бы за ней приударил, да возраст не позволяет», – шутил он, и Талли каждый раз смеялась, когда это слышала. Впрочем, ее отец без всяких шуток считал Бриджит самой сексуальной женщиной из всех, кого он когда-

⁴ Тоскана – историческая область в Италии.

либо встречал, и только удивлялся, почему ее до сих пор никто не окольцевал. В вопросах брака Сэм Джонс придерживался традиционных взглядов.

– Не надо никого предупреждать, – возразил Хант. – Я обещал твоему отцу отвезти его в клинику и обратно – с утра у меня как раз будет часа два свободных, так что дело не пострадает. Он сказал, что не против, но только если ты не будешь возражать.

– Я не буду возражать. Хант, ты просто святой! – воскликнула Талли, обнимая его за шею. Он, в свою очередь, крепко прижал ее к себе.

– Я вовсе не святой, просто я очень тебя люблю. Спасибо, что приехала сегодня домой.

– А тебе спасибо за превосходный ужин. Слушай, может быть, ты все-таки сможешь приехать в Палм-Спрингс завтра вечером? – снова спросила она, думая о том, что так ей не придется тратить время на дорогу до Лос-Анджелеса, а значит, они смогут провести вместе пару лишних часов.

Отель, в котором для нее был зарезервирован номер, был очень неплох, к тому же там был превосходный спа-салон. Талли нравилось, когда Хант приезжал в Палм-Спрингс, чтобы провести с ней ночь, к тому же когда съемочный день слишком затягивался, остаться в номере ей было проще, чем возвращаться домой.

– К сожалению, завтра никак не получится: днем у меня намечено несколько важных дел, а на вечер запланирована деловая встреча, – ответил Хант. – Пожалуй, я лучше приеду послезавтра. Как ты на это смотришь? Думаю, и тебе тоже не стоит мотаться в ЛА и обратно каждый день – от этого ты только сильнее устанешь. Правда, я подозреваю, что даже если ты будешь ночевать в Палм-Спрингс, то освободившиеся часы ты посветишь работе, а не отдыху, и все же...

Талли рассмеялась.

– Ты хорошо меня изучил, Хант. Ладно, я согласна – буду ждать тебя послезавтра вечером. – С этими словами Талли отправилась в душ.

Несколько минут спустя она вернулась и забралась в постель. Хант лежал под одеялом нагишом, поэтому она тоже сняла футболку, которую надевала вместо ночной рубашки, и покрепче прижалась к его горячему телу. Хант привлек ее к себе и нежно поцеловал, и Талли почувствовала себя абсолютно счастливой.

– Я очень скучаю, когда ты уезжаешь на натуру, – прошептал он ей на ухо, и Талли поцеловала его в ответ.

Палм-Спрингс был местом сравнительно цивилизованным; в ее жизни бывали и худшие варианты. Однажды она прожила три месяца в палатке в самых настоящих джунглях, потом еще полгода – в хижине в африканской деревне. Приходилось ей бывать и в местах, где шла реальная война; по сравнению с ними Палм-Спрингс был почти курортом, к тому же он находился сравнительно недалеко от Лос-Анджелеса, так что жаловаться им обоим, пожалуй, не стоило. Кроме того, натурные съемки были почти закончены, скоро она вернется домой, и они снова смогут быть вместе.

– Мне тебя тоже не хватает, – прошептала она, когда Хант начал не торопясь заниматься с ней любовью. Пару минут спустя Талли уже забыла обо всем, кроме его ласковых прикосновений.

Потом они еще несколько минут лежали рядом и разговаривали, хотя Талли приходилось буквально бороться со сном. Ей было так хорошо и спокойно, что глаза ее закрывались сами собой. В конце концов Талли обняла его обеими руками и, хотя Хант еще что-то говорил и гладил ее по волосам, погрузилась в глубокий сон.

Глава 3

На следующее утро, ровно в половине пятого, Бриджит подъехала к дому Талли. Она никогда не опаздывала. Какой бы бурной ни была проведенная ею ночь, Бриджит всегда появлялась на работе точно в срок, будь то раннее утро или любое другое время, когда она была нужна Талли.

Остановив машину на подъездной дорожке, Бриджит послала подруге эсэмэс. Через пару минут дверь особняка отворилась и появилась Талли, держа кроссовки в руке. Осторожно прикрыв за собой дверь, она на цыпочках спустилась по ступенькам и забралась в салон «Астон Мартина». Перед отъездом она приняла душ, но высушить волосы до конца не успела и теперь выглядела еще более неряшливо, чем накануне вечером. Одежду она тоже переменила, но ее сегодняшний костюм не слишком отличался от вчерашнего: ветхие джинсы не с обрезанными, а с оторванными штанинами были похожи на индейскую набедренную повязку с бахромой, а майка, хотя и свежая, была вся в дырах.

Глядя на нее, Бриджит лишь покачала головой.

– Или я чего-то не понимаю, – проговорила она, – или это новая мода и ты заплатила за свою шикарную майку небольшое состояние. Как называется бутик, в котором ты одеваешься? «Гудвилл»⁵?..

Обе знали, что некоторые дизайнеры-модернисты специально проделывают дыры в своих новых моделях, располагая их в особом, только им известном порядке. Макс, например, недавно приобрела в «Максфилде» несколько таких «высокохудожественных» маек, причем стоили они действительно очень недешево. Талли модные обновки доставались совершенно бесплатно – у Ханта было полно старых футболок, которые он отдавал ей. Она вообще редко тратила деньги на дорогую одежду и тем более не видела смысла выбрасывать значительные суммы на дизайнерские изыски.

– Не угадала! – рассмеялась Талли. – Эту майку я вытащила из мусорного пакета. Хант хотел ее выбросить, но я не дала. Мне показалось – она еще послужит.

При этом вид у нее был такой довольный, словно ей удалось сэкономить крупную сумму, и Бриджит, которая отлично знала, что на самом деле подруга никогда не отличалась ни крохоборством, ни патологической жадностью, снова покачала головой.

– Пригодится? В качестве чего?.. Половой тряпки или ветоши для протирки стекол в машине? Ты единственная, кого я знаю, кто зарабатывает миллионы и одевается в тряпье, которое вытаскивает из мусорных пакетов.

Она тронула машину с места, и Талли рассмеялась:

– Если бы я призналась, что эта футболка из «Максфилда», ты сказала бы, что она – супер?

– Конечно, – отозвалась Бриджит без малейших колебаний.

– Ну, если тебе так будет спокойнее, давай сделаем вид, что это новейшая дизайнерская одежда от... от Рудольфа Валентино, о'кей? Мне некогда думать, во что я одеваюсь и как выгляжу. Думаю, ты понимаешь почему, правда?

Талли действительно никогда особенно не следила за своим внешним видом: в ее списке важных дел это был пункт двадцать пятый... или даже сто двадцать пятый. Она только заботилась о том, чтобы одежда была чистой, а остальное ее не волновало. Главным для Талли было то, что творится у нее в голове, а вовсе не то, что она надевает. Это и отличало ее от абсолютного большинства женщин, с которыми ей приходилось сталкиваться, и в первую очередь – от

⁵ «Гудвилл индастриз» – американская методистская благотворительная организация, которая собирает в качестве пожертвований старую одежду и предметы обихода, а затем продает их через сеть собственных магазинов.

Бриджит, которая меняла наряды чуть ли не каждый день. Талли давно подозревала, что почти всю свою далеко не маленькую зарплату ее помощница тратит на тряпки и украшения, однако каждый раз, когда она в шутку заговаривала об этом, Бриджит отвечала, что коль скоро она представляет перед широкой публикой саму Талли Джонс, то и выглядеть она должна соответственно, чтобы, не дай бог, не уронить авторитет и не подпортить репутацию самой талантливой голливудской женщины-режиссера. Слыша подобный ответ, Талли только пожимала плечами. Ей было глубоко наплевать на репутацию. Что касалось авторитета, она считала, что с ним ничего не случится, покуда она будет снимать хорошие фильмы.

По дороге в Палм-Спрингс Талли позвонила дочери в Нью-Йорк и застала ее, когда та уже собиралась уходить в колледж. Как выяснилось, у Макс все было в порядке. Что касалось сообщений, присланных матери на телефон, то она просто хотела узнать, как у нее дела: здорова ли она и как идут съемки.

– У меня все отлично, – сказала Талли в трубку. – Съемки идут почти точно по графику, так что в конце месяца мы все вернемся в Лос-Анджелес. Нам нужно отснять еще несколько эпизодов в городе – и все: фильм останется только смонтировать. А как ты?.. Что у тебя новенького? Как учеба?

Талли нравилось разговаривать с дочерью – пусть даже о пустяках, поэтому она звонила Макс при каждом удобном случае.

– Все в порядке, ма, не волнуйся. Учеба тоже хорошо. Да, на днях я познакомилась в библиотеке с новым парнем. Он та-акой клевый!.. Его зовут Рон, и он учится на подготовительных медицинских курсах, чтобы поступить в колледж.

– Вот как?..

Многочисленные увлечения Макс молодыми людьми тревожили Талли. Каждый раз, когда ее дочь знакомилась с очередным «клевым» парнем, Талли невольно вспоминала, что была всего лишь на пару лет старше, когда забеременела от своего ковбоя из Монтаны. Впрочем, Макс была не настолько глупа, чтобы наделать подобных ошибок, – сама Талли в ее возрасте была куда более наивной и доверчивой. Впрочем, ей казалось, что даже тогда все могло бы пойти по-другому, если бы была жива ее мать. После смерти Белинды Талли на некоторое время утратила жизненные ориентиры, к тому же она отчаянно нуждалась в ласке и тепле – вот и бросилась в объятия первого попавшегося мужчины. Правда, у нее оставался отец, который всегда был готов помочь советом или делом, но он не мог заменить Белинду. Мать, полагала Талли, повела бы себя в той ситуации иначе; уж, во всяком случае, она отговорила бы ее регистрировать брак с ковбоем, на чем настаивал отец.

К счастью, все закончилось более или менее благополучно, а главное – у нее была замечательная дочь, так что Талли ни о чем не жалела. Макс была чудесным ребенком и никогда не доставляла ей серьезных огорчений. Даже ее желание пойти по стопам деда и заняться юриспруденцией было Талли по душе; она, во всяком случае, нисколько не переживала из-за того, что Макс была, по большому счету, равнодушна и к производству фильмов, и даже к актерской карьере, о которой мечтало большинство девушек ее возраста. Правда, Макс долго скрывала от матери, что не хочет заниматься кино. Когда же она наконец в этом призналась, Талли только вздохнула с облегчением. Она лучше, чем кто бы то ни было, знала этот мир, который, казалось, целиком состоял из тяжелого труда, интриг, фальшивого блеска, ненадежных людей и безумных поступков. Именно по этой причине Талли никогда не настаивала, чтобы Макс дружила с другими «звездными» детьми, хотя с некоторыми из них она регулярно общалась в школе. Макс, к счастью, была довольно рассудительной девочкой, да и среди отпрысков знаменитостей оказалось на удивление много хорошо воспитанных и просто милых детей. Чересчур избалованных и неуправляемых она сама старалась избегать. К выпускным классам вокруг Макс сформировалась целая компания спокойных, уравновешенных и просто порядоч-

ных юношей и девушек, глядя на которых было довольно трудно представить, что их родители зарабатывают в год десятки и сотни миллионов долларов.

– Ну ладно, мам, я побежала. Удачного дня, – сказала Макс на прощание, и Талли тоже пожелала ей всего хорошего.

Дав отбой, она вспомнила, что хотела предупредить Бриджит насчет аудиторской проверки, которую потребовал провести японский инвестор. Бриджит должна была позвонить их бухгалтеру Виктору Карсону и сказать, чтобы он оказал полное содействие независимым аудиторам.

– Тебе, по крайней мере, не придется корпеть над бумажками, – сказала она, после того как дала Бриджит необходимые инструкции. – Это чисто бухгалтерская работа.

– Если Виктор захочет, я могла бы подготовить для него все необходимые данные, – ответила Бриджит.

Она очень ловко управлялась с цифрами и всегда оплачивала текущие счета Талли. До сих пор Бриджит вела свою маленькую бухгалтерию безупречно – Талли не помнила случая, чтобы оплаченный счет или квитанция куда-то пропали. Правда, первые несколько лет Бриджит приходилось буквально бегать за ней по пятам, уговаривая подписать чек. Это был весьма трудоемкий процесс, так что в конце концов они открыли специальный совместный банковский счет, чтобы Бриджит могла сама подписывать чеки, расплачиваясь за приобретенные для Талли вещи. Деньги на этот общий счет поступали, естественно, с личного счета Талли. Это было очень удобно и экономило уйму времени, благо Бриджит тщательно фиксировала все расходы, вплоть до покупки туалетной бумаги в ближайшем универмаге. С помощью своей платежной карточки Бриджит делала необходимые покупки и для Макс, а также оплачивала квартиру в Нью-Йорке. Естественно, что она тесно сотрудничала с Виктором Карсоном, стараясь держать финансовые дела подруги в полном порядке, и Талли полностью полагалась на обоих. Именно благодаря Бриджит у нее никогда не было никаких неприятностей ни с банком, ни с налоговым управлением, и Хант часто говорил, что хотел бы иметь такую помощницу. Она, впрочем, охотно помогала и ему – но не регулярно, а только когда он о чем-то просил. Главной заботой Бриджит оставалось благополучие Талли.

Весь обратный путь до Палм-Спрингс Талли работала со сценарием. Кое-какие изменения она успела просмотреть, но накануне поздно вечером сценаристы прислали Бриджит по факсу новые варианты, и теперь Талли предстояло ознакомиться и с ними. Вооружившись карандашом, она строчила в рабочем блокноте, делая какие-то заметки, и когда обе женщины добрались наконец до съемочной площадки, в руках у Талли был свой собственный вариант сценария, который включал и изменения, внесенные штатными сценаристами, и ее собственные идеи. Бриджит это несколько не удивило – именно так Талли работала всегда. Уделяя особое внимание деталям, она добивалась совершенно поразительных эффектов, которые и делали ее фильмы столь популярными. Говорят: «В деталях – дьявол». Бриджит переделала эту известную поговорку, применительно к Талли она звучала: «В деталях – гений». И это действительно было так.

– Ну а ты чем занималась вчера вечером? – спросила Талли, когда «Астон Мартин», подняв тучу пыли, остановился перед ее трейлером-офисом.

– Да ничем, в общем-то... Я приняла ванну, немного почитала, потом ответила на пару электронных писем и легла. Мне нужно больше спать – во сне кожа отдыхает и становится более упругой и здоровой, – уклончиво ответила Бриджит.

О чем она никогда не рассказывала Талли, так это о тех молодых актерах, с которыми знакомилась на съемочной площадке. Правда, время от времени до Талли доходили кое-какие слухи, но она делала вид, будто ничего не знает. Если Бриджит захочет, считала Талли, то сама все расскажет, а не захочет, так и не надо – в конце концов, это ее не касается. Главное, чтобы положение устраивало саму Бриджит, а оно ее устраивало... так чего же еще? Сейчас

Талли тоже не собиралась ничего говорить, прекрасно зная, что романы помощницы никогда не длятся дольше, чем съемки фильма. Более того, она была уверена: Бриджит не сделает ничего, что могло бы скомпрометировать ее подругу и работодательницу, не станет давать обещания, которые не сможет выполнить. Нет, разумеется, если бы Бриджит попросила ее за кого-то из своих любовников, Талли сделала бы все, что в ее силах, чтобы выполнить эту просьбу, однако у нее были принципы, которые она не смогла бы преступить даже ради подруги. Так, например, она не стала бы давать роль в своем фильме неподходящему актеру только потому, что за него просила Бриджит. Впрочем, Бриджит, со своей стороны, никогда не обратилась бы к Талли с подобной просьбой – для этого она была слишком умна и прекрасно понимала, где заканчивается дружба и начинается работа.

Вот почему Талли не стала расспрашивать подругу, с кем та провела минувшую ночь. По большому счету, это было не ее дело, поэтому она только слегка улыбалась, глядя, как Бриджит пытается придать своему лицу самое невинное выражение. Ей, правда, было любопытно, кого именно выбрала Бриджит на этот раз, но та молчала, и Талли не стала задавать нескромных вопросов. Должно быть, подумала она, это был один из молодых, подающих надежды актеров второго плана или даже кто-то из массовки. Это было бы вполне в духе Бриджит.

Как и накануне, дел на съемочной площадке нашлось много, и Талли с головой ушла в работу, стоило ей только выбраться из машины. Бриджит держалась поблизости – она приносила ей охлажденную минералку, готовила кофе и следила, чтобы Талли обязательно что-нибудь съела. Во время работы Талли часто забывала о еде: она слишком увлекалась и в своем нетерпении не желала тратить время на такие мелочи, как горячий обед. По той же самой причине она редко давала себе труд одеться более или менее прилично и как следует расчесать волосы. Творчество захватывало ее целиком, поэтому ко всему, что отнимало время или могло отвлечь ее от процесса съемки, Талли относилась достаточно пренебрежительно.

Пока Талли работала, Бриджит отвечала от ее имени на электронные письма и телефонные звонки. Несколько звонков она сделала сама – готовиться к завтрашним съемкам следовало уже сегодня. Кроме того, она связалась с Виктором Карсоном и предупредила его насчет аудиторской проверки. Иными словами, Бриджит была занята не меньше Талли, когда же у нее выдавалась свободная минутка, она внимательно следила за тем, что происходило на съемочной площадке, и иногда даже давала Талли весьма ценные советы. В кино Бриджит отнюдь не была дилетанткой, да и глаз у нее был наметанный, так что порой она подмечала нюансы, которые выпадали из поля зрения Талли. Хорошо представляя себе, какого именно эффекта пыталась добиться подруга – а за семнадцать лет совместной работы она очень неплохо изучила ее стиль и ее творческую манеру, – Бриджит мгновенно реагировала, когда тот или иной снимаемый эпизод выбивался за рамки генеральной концепции. Талли, со своей стороны, всегда очень серьезно относилась к мнению подруги и высоко ценила ее подсказки. В конце концов, Бриджит тоже была профессионалкой, и ее суждения не стоило сбрасывать со счетов.

Этот съемочный день также оказался весьма удачным, и вечером Талли позвонила Ханту, чтобы похвастаться своими успехами. Она застала его в пути: Хант ехал на деловую встречу в ресторан «Поло Лонж». Услышав, что Талли довольна отснятым материалом и что переснимать ничего не придется, он очень обрадовался: помимо всего прочего, сегодняшний прогресс означал, что натурные съемки закончатся в срок или даже немного раньше и они смогут больше времени проводить вместе. В свою очередь, Хант рассказал Талли о том, как у него сложился день, и добавил, что очень по ней скучает.

На этом разговор закончился. Отключив телефон, Талли подумала: как все-таки замечательно, что, несмотря на связывающие их чувства, им вовсе не обязательно быть постоянно вместе, как каким-нибудь сиаемским близнецам. Они любили друг друга и жили вместе, и тем не менее у каждого из них была, помимо совместных проектов, и своя жизнь, свои дела, которые они могли обсуждать. Да, они расставались, быть может, чаще, чем им обоим хотелось, но это

их не смущало. Хант, во всяком случае, не нервничал и не ревновал, когда Талли надолго уезжала на съемки, а она, в свою очередь, не беспокоилась из-за него. После четырех лет совместной жизни они хорошо изучили друг друга, и каждый полностью доверял своему избраннику.

Как ни странно, Хант был нисколько не похож на мужчин, с которыми Талли встречалась раньше и которые в конце концов ее бросали. Особенно глубокую рану нанес ей второй муж, который изменил ей публично, да и остальные ее мужчины вели себя немногим лучше. К сожалению, в мире кино большинство мужчин – да и женщин тоже – не отличались ни постоянством, ни высокими моральными качествами. Хант был исключением из общего правила – правда, он и не был актером. Талли очень нравились его надежность, честность, солидность. Правда, порой он бывал скучноват и даже нудноват, но Талли уже вышла из того возраста, когда женщины ищут приключений и волнующих переживаний. Куда больше ее привлекала стабильность, и в Ханте она ее обрела. Он был человеком, которого она могла любить и которому могла доверять. Ненадежные партнеры ей не нужны – к этому выводу Талли пришла уже довольно давно, причем урок дался ей нелегко. Несколько раз она обожглась и теперь выбирала сознательно, что называется – с открытыми глазами. И Хант ее устраивал. Помимо всего прочего, он был человеком отзывчивым и добрым – в этом она в очередной раз убедилась, когда во время телефонного разговора он упомянул, что возил ее отца к врачу. По его словам, анализы ничего опасного не показали, хотя ему и показалось, что Сэм Джонс изрядно похудел со времени их последней встречи.

– Я знаю, – ответила Талли. – Я разговаривала с его домработницей, она сказала – папа почти ничего не ест.

– Может быть, мне стоит приезжать к нему раза два в неделю и готовить мои фирменные блюда? – предложил Хант. – Раньше ему нравилось, как я готовлю, быть может, мне удастся разбудить его аппетит.

– Мне казалось, у тебя и своих дел хватает, – возразила Талли.

– Хватает-то хватает, но часа два в неделю я сумею выкроить без особых проблем. Кроме того, мне нравится твой отец. Он очень интересный человек – например, сегодня мы с ним отлично провели время. Пока мы не приехали в клинику, он, мне кажется, немного нервничал, и мне пришлось всю дорогу рассказывать ему анекдоты и всякие смешные случаи. Твой па так смеялся, что я боялся – ему станет плохо прямо в машине, но все закончилось отлично. Когда мы добрались до клиники, он уже совершенно успокоился и даже сам шутил с врачами и медсестрами.

– Спасибо тебе огромное, – сказала Талли, искренне тронутая проявленной им заботливостью.

Именно за это она и любила Ханта – за его внимание к мелочам, от которых большинство так называемых «настоящих» мужчин попросту отмахнулись бы. Хант был человеком очень внимательным и умел проявлять подлинное, а не показное сочувствие, к тому же его доброта распространялась не только на нее или на Сэма, но и на ее дочь. Когда Талли только начала с ним встречаться, Макс было всего четырнадцать, поэтому известие о том, что мама завела «друга», встретило у нее вполне естественное сопротивление, однако продолжалось это совсем недолго. Вскоре Макс успокоилась, и когда примерно через год Хант переехал к Талли, она восприняла это как вполне естественный шаг. Отец Талли тоже отнесся к этому на редкость благосклонно, хотя в этих вопросах он был человеком довольно старомодным. Ханта он теперь называл не иначе как «мой неофициальный зять».

Вечером после работы Талли отправилась в Палм-Спрингс в свой номер в отеле. Она была очень довольна тем, как идут съемки. Никаких сложностей или проблем, которые неизбежно сопровождают подобное предприятие, также не возникало. Обычная неразбериха со страховками, сопротивление инвесторов, регулярно отказывавшихся оплачивать перерасход средств сверх оговоренного бюджета, болезни ведущих актеров и актрис, а также их попытки в

самый неподходящий момент разорвать контракт, потому что они, видите ли, не сработались друг с другом, покалечились во время съемки или получили более выгодное предложение, — все это хотя и не касалось Талли непосредственно, все же отнимало немало нервной энергии и драгоценного времени. Правда, в группе Талли — в отличие от других режиссеров — подобные вещи были сравнительно редки, но когда происходило нечто в этом роде, все буквально летело кувырком, и вместо творческой работы ей приходилось уговаривать закапризничавшую звезду или решать вопросы административного плана.

Впрочем, Талли старалась предотвратить подобное, нанимая актеров, которые пользовались репутацией людей трудолюбивых и надежных, а для подстраховки требовала от юридического отдела, чтобы в их контрактах были предусмотрены любые мелочи вплоть до сломанного ногтя на мизинце левой руки. В этом ей очень помогал Хант. Он отлично умел работать с контрактами и другими юридическими документами, благодаря чему их совместные проекты и оказывались в итоге столь успешными с финансовой точки зрения. Сотрудничать с ним Талли очень нравилось — такого высокопрофессионального продюсера у нее еще никогда не было. Сама она очень хорошо понимала, как много зависит именно от его усилий, хотя со своей стороны Талли делала все, чтобы добиться максимальной отдачи от сценаристов, актеров и операторов. Именно благодаря этому она и заслужила свою репутацию одного из лучших режиссеров Голливуда.

Возможность немного отдохнуть в отеле вместо того, чтобы мчаться в Лос-Анджелес, пришлось как нельзя кстати. Они с Бриджит даже сходили в бассейн, а потом помощница заказала ей массаж прямо в номер. Талли сначала возражала, но потом призналась, что после сеанса чувствует себя просто «божественно». Она даже настояла, чтобы Бриджит тоже сделали массаж, на что та с готовностью согласилась: это была еще одна привилегия ее положения доверенного лица и подруги известного режиссера. Образ жизни, который Бриджит делила с Талли, и проистекающие отсюда многочисленные бонусы ей очень нравились. Благодаря подруге Бриджит жила как самая настоящая звезда.

Виктор Карсон хмуро разглядывал ворохи бумаг, папок и ведомостей, разложенных на его большом рабочем столе. На протяжении пятнадцати лет он был личным финансовым советником Талли Джонс. Кроме того, фирма Виктора вела для нее всю бухгалтерию, включая операции, которые от имени Талли осуществляла ее помощница. Когда несколько минут назад упомянутая Бриджит позвонила, чтобы предупредить об аудиторской проверке, затребованной новым инвестором, Виктор едва не застонал в голос. С какой стороны ни посмотри, это была изрядная головная боль, без которой он вполне мог бы обойтись.

В последнее время его жизнь и без того была достаточно сложной. Личные проблемы, неожиданно оказавшиеся на первом месте, очень мешали Виктору, не давая ему отнестись со всей полнотой ответственности даже к своим непосредственным обязанностям. Зачем кому-то могла понадобиться полная аудиторская проверка финансового положения Талли, он совершенно не представлял, но неизвестный инвестор включил это условие в договор, и теперь с полдюжины неприветливых специалистов будут в течение нескольких дней рыться в его записях и требовать дополнительных пояснений буквально к каждой статье доходов и расходов. Нет, разумеется, дела Талли, как и дела других своих клиентов, Виктор держал в полном порядке — комар носа не подточит, и все-таки аудиторская проверка была делом не слишком приятным и к тому же могла отнять довольно много времени — в особенности если ему придется давать подробные ответы на возникшие у проверяющих вопросы.

Виктор считал, что они с Бриджит прекрасно справляются с текущей бухгалтерией; у них все было налажено и учтено, поэтому никакой необходимости привлекать сторонних экспертов он не видел. А хуже всего было то, что именно сейчас он просто не мог позволить себе тратить время и силы на подобную проверку. Увы, ни при каких условиях Виктор Карсон не

мог заявить об этом Талли или Ханту, ибо прекрасно понимал, что в данном случае личные проблемы вряд ли могут послужить достаточным основанием для отказа от аудита клиентских финансов (в последние годы он также занимался налогами Ханта и Бриджит). И тем не менее его проблемы были таковы, что хоть головой в петлю. Как выпутываться из сложившейся ситуации, Виктор понятия не имел.

В проблемах Виктора были виноваты женщины, и не только сейчас, но и всегда. Развод с первой женой, состоявшийся двадцать лет назад, обошелся ему в целое состояние, включая алименты и отступные. Жена оставила его после того, как узнала, что у Виктора имеется любовница – очаровательная модель-итальянка. Едва расставшись с первой женой, Карсон поспешил жениться на своей модели. Семейное счастье новоиспеченной четы Карсон длилось, однако, недолго. Красавица-итальянка, правда, успела родить ему двух близнецов (у него также были двое детей от первой жены), однако спустя пару лет она настолько освоилась в Америке, что оставила Виктора, найдя себе мужчину помоложе. Последовал новый развод, причем итальянка ободрала его как липку. В конце концов она снова вернулась в Европу – в Париж, а не в Рим, и вышла там замуж, так что своих дочерей-близнецов Виктор не видел уже лет пятнадцать, хотя на протяжении всего этого времени исправно выплачивал на них алименты. Как раз в этом году дочери, для которых он был абсолютно чужим человеком, достигли совершеннолетия, и выплатам пришел конец. Двое старших детей Виктора давно были взрослыми и работали, а их мать повторно вышла замуж, однако на протяжении нескольких довольно-таки непростых лет ему приходилось фактически содержать двух бывших жен и четверых детей.

Но на этом его беды отнюдь не закончились. Сравнительно недавно Виктор, послушавшись совета своего биржевого консультанта, неудачно вложил деньги, потеряв значительную сумму. Что поделать – о средствах клиентов он всегда заботился куда лучше, чем о своих собственных. В довершение всего три года назад Виктор безумно влюбился в очаровательную юную девушку, начинающую киноактрису. Во время страстного уик-энда в Вегасе они поженились, хотя Виктору уже исполнилось шестьдесят два, а его избранница была чуть не втрое моложе. Одной из причин, объяснявших этот странный брак, стали обещания Виктора использовать свои связи среди голливудских воротил, чтобы помочь ей получить хорошую роль. Пообещать, однако, оказалось гораздо проще, чем выполнить обещание. Как вскоре выяснилось, честолюбия у Брианны хватало, а вот таланта не оказалось вовсе. Несколько кинопроб, которые Виктор устроил ей через знакомых, показали ее полную профессиональную непригодность к артистической карьере. Единственное, на что Брианна была способна, – это демонстрировать купальники во время рекламных шоу, однако она сразу дала Виктору понять, что такая работа ей не подходит.

Сейчас Виктору Карсону было шестьдесят пять, Брианне – двадцать девять, и их семейная жизнь с каждым днем становилась все больше похожа на самый настоящий ад. Уже не раз Брианна грозила, что подаст на развод, если Виктор не выполнит свое обещание и не добудет ей роль в кино или, на худой конец, на телевидении. Увы, она была безумно хороша в постели, но не на экране, поэтому все предпринятые им усилия так ни к чему и не привели. Впрочем, Брианна все равно не спала с ним уже более полугода. Работу модели она давно бросила и теперь тратила свое свободное время на косметические операции или на шопинг на Родео-драйв, который она прочесывала с тщательностью полицейской ищейки. И на то, и на другое требовались немалые деньги, которые Брианна требовала у Виктора, всякий раз пуская в ход угрозу уйти от него. Этого он допустить не мог и поэтому всякий раз уступал. Брианна была невозможной, порой – невыносимой, и все же она вносила в его скучную, бедную событиями жизнь толику блеска и гламура, к тому же Виктор по-прежнему был от нее без ума. Для него она была настоящей «статусной женой»⁶. Ему нравилось бывать с ней в обществе и знать, что

⁶ «Статусная жена», «жена в подарочном исполнении» – молодая и эффектная жена богатого человека как символ его

другие мужчины глядят на его жену с завистью и вождением – так, во всяком случае, ему казалось. На самом деле каждый, кому удавалось перекинуться с Брианной хоть несколькими словами, начинал жалеть Виктора, но ему это было невдомек. Он был буквально одурманен молодой женой и был готов на все, лишь бы не расставаться с ней.

На самом деле – с учетом недавних финансовых потерь – Виктор уже не мог позволить себе содержать Брианну, однако он продолжал скрывать этот факт от нее и гнал от самого себя. Между тем ее походы по магазинам всякий раз обходились ему в кругленькую сумму. Он платил и платил, но Брианна продолжала сердиться, требуя от него то одну, то другую дорогостоящую вещь, а то вдруг принималась улучшать свое тело, прибегая для этого к помощи самых модных пластических хирургов и косметологов. Хотя со времени последней косметической операции прошло меньше года, Брианне вдруг загорелось заменить силиконовые грудные имплантаты, сделать абдоминопластику, подтянуть ягодицы и убрать с бедер воображаемый целлюлит. Все вместе должно было обойтись в целое состояние, но Виктор снова готов был платить, лишь бы сохранить Брианну. В конце концов, утешал он себя, это будет дешевле, чем выплачивать алименты и отступные. Проблема, однако, заключалась в том, что он просто не знал, где взять деньги. Ведь он же не фокусник, который достает из цилиндра кроликов, цветные ленты и пачки новеньких, хрустящих долларов!

Одним словом, Виктор Карсон был слишком занят, затыкая дыры в собственном бюджете и жонглируя остатками своего состояния, чтобы отвлекаться на аудиторскую проверку. Буквально вчера он пообещал Брианне свозить ее в Европу, причем она ясно дала понять – если он вдруг не сдержит обещания, она от него уйдет. Кроме того, в ближайшем будущем маячило путешествие в Бразилию, где появился какой-то новый пластический хирург, который, как говорили, буквально творил чудеса. Брианна говорила об этой поездке как о деле уже решенном, но Виктор, слушая ее, только внутренне содрогался. Семейная жизнь рушилась на глазах, а недавние финансовые потери грозили окончательной катастрофой. Виктор не сомневался, что, как только он откажется оплачивать очередной дорогостоящий каприз Брианны, его брак прекратит свое существование. И точно так же ему придет конец, как только молодая жена узнает о плачевном состоянии его финансов. Она уйдет от него в тот же день. Его дети, наверное, этому только обрадуются, но сам Виктор просто не представлял, как он будет жить без Брианны.

В восемь часов вечера он закрыл офис и отправился домой. Брианна была уже там – ее дневной улов лежал еще не распакованный рядом с входной дверью. Увидев на пакетах и свертках знакомые логотипы, Виктор поморщился. «Дольче энд Габбана», «Роберто Кавалли», «Нойман Маркус», «Шанель»... Брианна ходила на Родео-драйв как на работу, не пропуская буквально ни одного дня. Возможность регулярно прочесывать модные бутики была, вероятно, единственной причиной, по которой она все еще оставалась замужем за человеком его возраста. Виктора Карсона и в молодости никто не называл бы интересным мужчиной, сейчас же он и вовсе выглядел стариком. В последнее время он казался даже старше своих шестидесяти пяти – Виктор облысел уже к сорока годам, а сидячий образ жизни привел к тому, что он располнел и обрюзг. Виктор много раз собирался сесть на диету, но так и не сумел заставить себя правильно питаться, а в тренажерном зале он и вовсе не был никогда в жизни.

Неудивительно, что муж интересовал Брианну исключительно с прагматической точки зрения. «Что еще он может для меня сделать?» – так она, вероятно, говорила себе каждый раз, когда вспоминала о Викторе. Он же слепо обожал свою молодую красавицу-жену и готов был на все, чтобы удержать ее при себе. Другие мужчины покупали шикарные машины и дорогую недвижимость, мечтали об успехе и о славе, он же всегда стремился к тому, чтобы в его постели была молодая, красивая женщина. Именно поэтому закончились крахом два его

предыдущих брака, именно поэтому сейчас он был на грани банкротства. Кое-какие средства у него еще оставались, но, учитывая дорогостоящие привычки Брианны и несколько старых долгов, с которыми Виктор никак не мог расплатиться, это были жалкие крохи, почти ничего. А главное, он не видел никакого выхода из сложившейся ситуации. Виктор не сомневался: если только не случится какого-нибудь чуда вроде выигрыша в лотерею (а в подобные вещи он никогда не верил), Брианна бросит его в самое ближайшее время.

– Ты сегодня поздно! – раздраженно заявила она, как только Виктор вошел в прихожую.

– У меня было много работы, детка, – ответил он примирительным тоном.

Как оплатить очередные счета Брианны – вот был вопрос вопросов, над которым он ломал голову чуть не ежедневно, но не находил ответа. Неожданная проверка финансов Талли тоже добавила ему хлопот – к появлению аудиторов нужно было подготовить все документы и хотя бы бегло просмотреть их на случай, если он или Бриджит случайно упустили какую-нибудь мелочь.

– Я хочу поужинать где-нибудь в городе! – заявила Брианна, капризно надувая губы. Губы она сделала себе а-ля Анджелины Джоли, поэтому зрелище было очень внушительное.

Виктор побоялся сказать, что он очень устал и предпочел бы провести сегодняшний вечер дома.

– Ты уже решила где? – спросил он. Виктор никогда не отказывал Брианне в ее просьбах, не собиравшись он делать этого и сейчас.

– Поедем к «Мистеру Чоу»! – предложила Брианна, и глаза ее сверкнули.

Она любила бывать в ресторанах, где часто появлялись кинозвезды и прочие знаменитости, а у входа постоянно дежурили папарацци, фанаты и любители автографов. «Мистер Чоу» – самый модный, всегда многолюдный и невероятно дорогой – как раз и был одним из таких мест, где можно и на других посмотреть, и себя показать. Правда, кормили там отменно, и это отчасти примирило Виктора с необходимостью куда-то ехать после работы.

– Хорошо, детка, сейчас я позвоню и узнаю, можно ли заказать столик, – сказал он.

– Я уже заказала, – ответила Брианна с широкой улыбкой. – Нам нужно быть там через пятнадцать минут. Кстати, с нами будут Карла и Джон – я их тоже пригласила.

Виктор вздохнул. Карла и Джон были ее друзьями. В ресторанах они всегда заказывали самые дорогие блюда и лучшие вина, но ни разу не предложили оплатить хотя бы часть расходов. Кроме того, они были ровесниками Брианны. Собственно говоря, все ее друзья и знакомые рассматривали Виктора как состоятельного «папика», которого не грешно «подоить». Когда-то у Виктора были и свои друзья, но все они куда-то исчезли, растворились. По его глубокому убеждению, это случилось главным образом потому, что молодые женщины, с которыми он встречался, не нравились их женам. В действительности же друзья считали Виктора старым дураком, а его женщины, и в особенности Брианна, не вызывали у них ничего, кроме скуки и желания как можно скорее оказаться где-нибудь в другом месте.

Брианна и в самом деле могла разговаривать только о пластической хирургии да пересказывать сплетни, которые вычитывала в глянцевах журналах. Сам Виктор тоже отнюдь не стремился провести вечер, слушая ее рассказы о том, кто на ком женился, кто кому и с кем изменил и чья новая грудь выглядит наиболее эффектно, однако он понимал, что сам выбрал такую жизнь. Не понимал он только, что женат на беспринципной «золотоискательнице» много моложе себя, которая готова бросить его при первой возможности, точнее – когда он окончательно разорится, однако ненасытная страсть Брианны к деньгам начинала его пугать. И не его одного.

Однажды в ночном клубе они случайно столкнулись с Бриджит, которая впоследствии, делаясь своими впечатлениями с Талли, назвала Брианну «жуткой бабой». До этого ей и в голову не приходило, что спокойный, рассудительный, сдержанный Виктор Карсон может быть женат на подобной хищнице. А хуже всего было то, что свою жену он представил Бриджит с нескры-

ваемой гордостью, тогда как любой здравомыслящий мужчина на его месте сделал бы все, чтобы никто из знакомых не увидел его в подобном обществе. Да, Брианна была разодета в пух и прах, но это ничего не меняло: несмотря на дорогую дизайнерскую одежду, бриллиантовое кольцо и такой же перстень, выглядела она не как спутница жизни, а как дорогая шлюха, снятая на ночь-другую. Похоже, решила Бриджит, Виктор совершил ошибку, которая дорого ему обойдется. Так она и сказала Талли.

Когда Виктор и Брианна приехали к «Мистеру Чоу», Карла и Джон уже ждали их там. И они были не одни – с собой они привели еще одну пару, которую Виктор видел впервые в жизни. Новички, впрочем, вели себя в точности как все друзья Брианны: они нисколько не стеснялись, заказывая самые дорогие блюда из меню, потребовали две бутылки старого вина, коктейли и шампанское «Дом Периньон» на десерт. Оплачивая счет, Виктор опасался, что денег на карточке не хватит, зато, когда они уже возвращались домой, Брианна выглядела почти счастливой. Погрузившись в джакузи, она даже поблагодарила его за прекрасный вечер, но не успел Виктор вздохнуть с облегчением, как Брианна спросила, когда же они поедут в Европу.

– Я пока этим не занимался, – честно ответил он, стоя на пороге ванной.

Когда Брианна переехала к нему, она перестроила его квартиру, что тоже обошлось весьма и весьма недешево. В результате его ванная комната стала в два раза больше и была сплошь отделана розовым мрамором.

– Мне только что сообщили о большой аудиторской проверке счетов одного из моих клиентов, – добавил он. – Мне придется помогать проверяющим, так что боюсь – я не смогу никуда уехать, пока эта канитель не закончится.

Виктор прекрасно понимал, что, если он сейчас бросит все и уедет, Талли придется отложить работу над своим новым фильмом, и это в лучшем случае. В худшем – инвестор вовсе откажется от сотрудничества, и кто знает, что тогда будет?.. Все это означало, что сам Виктор почти наверняка потеряет крупного клиента, а он был не в том положении, чтобы рисковать своей репутацией. Кроме того, поступить подобным образом Виктору не давала обычная порядочность – он не мог и не хотел подводить Талли в ответственный момент.

– То есть мы никуда не едем. Ты это имеешь в виду? – Брианна подозрительно нахмурилась.

– Нет, мы обязательно поедem! – заторопился Виктор. – Я просто не знаю когда. Может быть, через пару недель...

Брианна кивнула, смягчаясь, а Виктор почувствовал себя как осужденный на казнь преступник, которому вдруг отложили исполнение приговора. Брианне каким-то образом удавалось держать его в постоянном напряжении, но сейчас оно немного ослабло. Виктор уже повернулся, чтобы уйти, но Брианна вдруг заявила, что планирует в самое ближайшее время перестроить их общую спальню. Это была совершенно новая идея, которая застигла его врасплох. Где взять деньги? – вот было первое, о чем в панике подумал Виктор.

– Я уже все решила, – продолжала тем временем Брианна. – Мы наймем этого... как его... архитектора. Того, который переоборудовал спальню Дженнифер Лопес. Говорят, он очень талантливый и модный.

Виктор не ответил. Вернувшись в обреченную спальню, он зашел в гардеробную, чтобы переодеться в пижаму. Там он сел на стул и глубоко задумался. Что его ждет, если он все же сумеет удержать Брианну при себе? И главное – где раздобыть деньги? При мысли об этом ему захотелось плакать. У него почти ничего не осталось, а чтобы удовлетворить аппетиты Брианны, ему нужна была не просто крупная – огромная сумма. Выиграть в лотерею или ограбить банк – никакого другого выхода он не видел. Впрочем, даже если бы он сумел вынести все

золото из Форт-Нокса⁷, его вряд ли хватило бы надолго – требования Брианны росли с каждым днем. Кто знает, что она придумает завтра?

Виктор затравленно покачал головой. Еще немного – и он банкрот.

⁷ В Форт-Ноксе (Кентукки) находится федеральное хранилище золотого запаса США.

Глава 4

Через день, как и обещал, Хант приехал в Палм-Спрингс, чтобы побыть с Талли. Как назло, в этот день съемки закончились позже обычного, однако Хант не стал расстраиваться. В конце концов, они были вместе, а это означало, что их ожидает приятный вечер. И они действительно прекрасно провели время, сидя возле гостиничного бассейна и обмениваясь последними новостями, шутками или просто болтая о милых пустяках. Хант, впрочем, начал с того, что напомнил Талли о предстоящей проверке ее финансовых счетов и предупредил, что независимая аудиторская фирма начнет свою работу уже на будущей неделе. Потом он спросил, предупредила ли она Виктора Карсона о необходимости приготовить все документы для проверяющих.

– Я с ним давно не разговаривала, – ответила Талли. – Обычно с ним общается Бриджит. Впрочем, я просила ее предупредить Виктора обо всем. А что?

– Да ничего, в общем-то... – ответил Хант. – Просто, когда я ему звонил, мне показалось, что он чем-то сильно расстроен. Как ты думаешь, может, он обиделся, что его проверяют? Но ведь это совершенно обычная и весьма распространенная практика. И очень разумная, – добавил он. Хант всегда был человеком осторожным и благоразумным, особенно в вопросах бизнеса. Правда, порой он тратил значительные суммы, однако его доходы были достаточно высоки, чтобы он мог себе это позволить.

– Мой отец говорит то же самое, – согласилась Талли. – Он уже давно уговаривает меня провести подобную проверку. Что поделать, папа – старый юрист, а юристы никому не доверяют... – Тут она вспомнила, как Бриджит рассказывала, что встретила в ночном клубе Карсона и его жену. – Насколько мне известно, – задумчиво добавила Талли, – Виктор женат на довольно легкомысленной красотке вдвое моложе его. Быть может, у него с ней какие-то проблемы?

– Никогда бы не подумал, что Виктор Карсон способен прийти в расстройство из-за женщины, какой бы красивой и молодой она ни была! Он всегда такой уравновешенный, такой правильный... Мне и в голову не могло прийти, что он... То есть мне казалось, что Виктор женат на такой милой, старомодной женщине в очках одних с ним лет.

– При чем тут очки?! – удивилась Талли.

– Ни при чем. Это просто символ. Символ солидности, уравновешенности, сдержанности... Ну, ты понимаешь, о чем я.

Талли кивнула. Она понимала. Понимала она и другое: и Хант, и она сама считали Виктора Карсона стариком только на том основании, что он выглядел почти на десять лет старше своего возраста. На самом деле до старости ему было еще далеко.

– Ему всего шестьдесят пять, – сказала она. – Как раз в этом возрасте некоторые мужчины начинают сходить с ума и совершать необдуманные поступки просто потому, что понимают: это их последний шанс. Кстати, у меня к тебе просьба – предупреди меня заранее, когда тебе вздумается бросить меня и увлечься какой-нибудь смазливой восемнадцатилетней малышкой.

– Я еще не в том возрасте, чтобы волочиться за вчерашними школьницами, – улыбнулся Хант, поудобнее устраиваясь в шезлонге. – Кроме того, ты нравишься мне гораздо больше.

– Кто знает, – пошутила Талли, – может быть, через пяток лет тебе тоже захочется найти себе кого-нибудь помоложе.

– Надеюсь, этого не произойдет, – серьезно ответил Хант. – Ну а если все-таки случится, тогда... тогда просто гони меня пинками. Впрочем, содержать молодую любовницу – удовольствие не из дешевых. Я просто не могу себе это позволить с финансовой точки зрения.

На самом деле денег у него хватало. Все дело было в том, что Хант не хотел менять Талли на кого-то другого.

– Может быть, Виктор тоже не может, – задумчиво сказала Талли. – И именно поэтому он был расстроен, когда ты с ним разговаривал. – Она пожала плечами. – Никогда не понимала, почему некоторые мужчины поступают подобным образом. Если бы рядом со мной был человек вдвое моложе меня, это только заставило бы меня чувствовать себя старше, чем я есть.

– Мужчинам кажется, что в обществе молодой женщины они сами начинают выглядеть моложе и... мужественнее. Мол, есть еще порох в пороховницах и все такое, – пояснил Хант. – Правда, на самом деле они выглядят старыми, напыщенными павлинами, но... да ты и сама знаешь.

Талли кивнула. В Голливуде подобную картину ей приходилось наблюдать достаточно часто, причем молодыми партнерами обзаводились не только стареющие мужчины, но и женщины в годах. Хант был одним из немногих, кто никогда не увивался за молоденькими актрисами. Все его чувства, вся его любовь и преданность были отданы ей одной, и за это Талли была ему бесконечно благодарна. Возможно, свою роль сыграло и то обстоятельство, что они не стали регистрировать брак, предпочтя ему свободное сожительство. Отсутствие официальной регистрации придавало их отношениям некую живость и свежесть. «Хорошее дело браком не назовут», – шутил по этому поводу Хант, и Талли была с ним полностью согласна. В свое время они оба обожглись и отнюдь не стремились повторять опыт, который закончился достаточно печально для обоих. Главное, они любят друг друга, а остальное не так уж и важно.

Потом Хант рассказал Талли об агентах, с которыми он успел встретиться, о том, какие актеры, возможно, будут исполнять заглавные роли в их следующем фильме. Две знаменитости первой величины уже согласились подписать контракт, еще двое пока «думали», но Хант считал, что и они никуда не денутся. Последним препятствием, таким образом, оставалась аудиторская проверка; как только она завершится и деньги инвестора начнут поступать на счета студии, они сразу смогут приступить к производству следующей картины. В том, что никаких неприятных неожиданностей проверка им не сулит, оба нисколько не сомневались: их финансы были в полном порядке, к тому же последний фильм принес и Ханту, и Талли по небольшому состоянию. Аудит, таким образом, был всего лишь формальностью, необходимой для того, чтобы у японских инвесторов отпали последние сомнения в их кредитоспособности.

На следующий день после съемок Талли распустила группу на уик-энд, а сама вместе с Хантом отправилась в Санта-Барбару, в Монтесито, где он снял для них на выходные очаровательный домик. Бриджит укатила в Лос-Анджелес, но в понедельник утром Талли должна была вернуться вместе с ней в Палм-Спрингс. Провести выходные не за работой и как следует отдохнуть – это было и приятно, и полезно. Каждый раз, когда Талли удавалось отвлечься от повседневных практических вопросов, связанных со съемками, у нее появлялись новые, оригинальные идеи, а также время, чтобы обдумать их хотя бы вчерне. Бывало, она неожиданно просыпалась посреди ночи и, схватив с тумбочки блокнот и карандаш, принималась делать какие-то заметки. Эти выходные не стали исключением – Талли не только придумала кое-что новенькое, но даже решила, как это можно использовать в ее новом фильме.

Но больше всего они с Хантом наслаждались вовсе не отдыхом, а обществом друг друга. Они поздно вставали, гуляли по океанскому побережью, ужинали в уютных маленьких ресторанчиках, поэтому, когда в воскресенье вечером они вернулись в Лос-Анджелес, Талли чувствовала себя свежей и бодрой, как после полноценного отпуска, а не двух коротких выходных.

Бриджит заехала за ней в четыре утра в понедельник, и они отправились в Палм-Спрингс. По дороге Талли оживленно рассказывала подруге о том, как они с Хантом провели уик-энд, потом спросила, как прошли ее выходные. Бриджит ответила, что у нее была пара свиданий, но с кем – не уточнила, и Талли подумала, что вряд ли эти свидания что-то для нее значили. В противном случае Бриджит говорила бы о них другим тоном или рассказала больше подробностей.

– Позвони еще раз Виктору, узнай, началась ли проверка, – попросила Талли. Она не ожидала никаких осложнений, но считала необходимым, чтобы ее помощница была в курсе событий. Бриджит заверила, что обязательно сделает это в самое ближайшее время.

Удовлетворенная этими словами, Талли откинулась на мягком кожаном сиденье «Астон Мартина». Предстоящая рабочая неделя обещала быть очень напряженной, и не только для нее. Хант предупредил, что вряд ли сумеет вырваться в Палм-Спрингс до следующих выходных. Талли сказала, что постарается сама приехать в Лос-Анджелес, когда сможет, однако она понимала, что выполнить это обещание ей будет нелегко. У нее впереди было еще очень много дел: съемки в пустыне шли очень хорошо, и ей не хотелось выбиться из графика. А вот если ей удастся сделать все, как запланировано, скоро она вернется в Лос-Анджелес насовсем.

Независимая аудиторская проверка началась, представители независимой бухгалтерской фирмы из Сан-Франциско действовали спокойно и по-деловому. Явившись в офис Виктора в понедельник утром, они предъявили договор и попросили предоставить им финансовые документы, имеющие отношение к Талли Джонс. Все полученные счета, отчеты и приходно-расходные книги они разложили на большом столе в конференц-зале и, подключив собственные компьютеры, принялись за работу. Всего их было четверо – двое бухгалтеров и двое помощников. Несмотря на то что в офисе фирмы Виктора они находились полный рабочий день, держалась эта четверка отстраненно, не вступая в контакт ни с кем из его постоянных или временных сотрудников. Если проверяющим требовались какие-то разъяснения, старший аудитор обращался к Виктору и просил прокомментировать ту или иную статью общего грессбуха. Сами аудиторы от любых комментариев воздерживались, и, хотя это свидетельствовало только об их высоком профессионализме, Виктор все равно нервничал. Ему казалось, что эти аудиторы проверяют не столько Талли Джонс, сколько его собственную работу и его компетентность. Фирма была очень солидная, с именем, и он не сомневался, что ее услуги обойдутся японскому инвестору в кругленькую сумму, однако японец, по-видимому, считал, что дело того стоит.

Проверка шла уже третий день, когда Виктор, вернувшись вечером домой – от усталости он буквально валился с ног, – узнал, что Брианна приготовила ему очередной сюрприз. Как выяснилось, сегодня вместо набега на бутики Родео-драйв она побывала у адвоката, который порекомендовал ей заключить с мужем семейный контракт. Идея Брианне, как видно, очень понравилась, и она потребовала, чтобы Виктор как можно скорее занялся этим вопросом.

– Семейный контракт? – тупо переспросил Виктор. – Что ты имеешь в виду?

– Ну, ты должен знать. Это такой контракт... В общем, бывает добрачное соглашение, а бывает семейный договор, который заключается между супругами после вступления в брак. – Брианна явно пользовалась словами, которые услышала от адвоката.

– Но мы же уже заключили добрачный контракт, детка. Никакой семейный договор нам не нужен, – ответил Виктор.

Все это ему очень не нравилось. Кажется, в воздухе запахло шантажом или чем-то весьма похожим. Как он и говорил, они действительно заключили добрачный контракт, согласно которому (на этом настояла, естественно, сама Брианна) он должен был еще до регистрации брака положить на ее счет солидную сумму. А Виктору настолько не терпелось обзавестись молодой, красивой женой, что он и не подумал возражать.

– Я уже потратила бóльшую часть денег, которые ты передал мне по добрачному договору, – нахмурилась Брианна. – Мне нужно еще. Мой адвокат говорит, что ты можешь перевести мне некоторую сумму сейчас, а потом доплачивать за каждый год, который мы проведем в браке.

Она как будто играла в брак – такое у Виктора сложилось впечатление, но что-то подсказывало ему, что затребованные Брианной суммы будут вовсе не игрушечными.

– Зачем ты вообще пошла к адвокату? – рассудительно спросил он.

Возможно, подумалось Виктору, Брианна искала способ развестись с ним, но сказать ему об этом прямо пока не решалась. Когда она выходила за него замуж, он положил ей на счет семьсот тысяч в качестве свадебного подарка, но за три года от этой суммы, похоже, мало что осталось. Семьсот тысяч, и это не считая денег, которые он тратил на нее каждый месяц! На что могли уйти без малого три четверти миллиона, Виктор не представлял. Впрочем, о том, с какой скоростью Брианна тратит заработанные им деньги, он уже имел достаточно четкое представление. Казалось, доллары просачиваются у нее меж пальцев будто вода.

– Я просто подумала... В общем, мне хотелось бы иметь собственные деньги, – ответила Брианна, скорчив жалостливую гримаску. – В конце концов, не могу же я постоянно зависеть от тебя и просить денег на каждую мелочь. Вот если ты переведешь мне некоторую сумму сейчас, а потом будешь платить за каждый год, что мы проживем вместе, я... я буду чувствовать себя намного увереннее, – прибавила она доверительным тоном.

– Откровенно говоря, в данный момент я вряд ли могу позволить себе нечто подобное, – грустно признался Виктор. – Я не слишком удачно вложил средства и довольно много потерял. В общем, я предпочел бы просто оплачивать твои счета и обеспечивать тебя всем необходимым, чем каждый год переводить на твой счет фиксированную сумму.

Несмотря на то что губы у Брианны были пухлыми, как у Анджелины Джоли, сейчас они сложились в тонкую прямую линию.

– Если ты не сделаешь это для меня, я... мне будет очень трудно оставаться твоей женой, – заявила она с угрозой. – Если ты меня любишь, то переведешь деньги, а если нет... В конце концов, ты нарушил свое обещание помочь мне с карьерой. Семейный контракт – это меньшее, что ты можешь для меня сделать. Имея собственные деньги, я смогу чувствовать себя в безопасности от... от любых неприятностей.

– Но что, если я не сделаю, как ты просишь? Просто не смогу? Тогда как?... – спросил Виктор.

Он был растерян и напуган новыми требованиями Брианны. Похоже, выиграть в этой гонке ему было не суждено. Он потратил на нее почти все, что у него было, но Брианна продолжала требовать денег. Удовлетворить ее желания было просто невозможно, и Виктор впервые за три года начал что-то понимать. Похоже, она с самого начала вышла за него только потому, что охотилась за богатым мужем, которого можно обобрать как липку, а потом выбросить за ненадобностью. Требование заключить семейный контракт еще больше утвердило Виктора в этом подозрении. Подобный документ мог бы стать последним ударом и одновременно средством, которое позволило бы Брианне наложить лапу на все оставшиеся у него деньги, когда они разведутся.

– О том, что будет тогда, тебе расскажет мой адвокат, – сказала Брианна, в глазах которой появился какой-то неприятный жесткий блеск. – Подумай как следует, Виктор. У тебя нет выбора.

Этими словами она окончательно обозначила свою позицию, и Виктор почувствовал, как его горло сжимает болезненный спазм. Ему уже исполнилось шестьдесят пять, и он не хотел терять Брианну, зная, что другой такой женщины у него уже никогда не будет. Правда, теперь Виктор лучше понимал, какие мотивы движут его женой, однако от этого чувства, которые он к ней питал, не стали слабее. Привязанность, вожделение, привычка, наконец... Да и какая другая женщина с ее внешностью и в ее возрасте согласится выйти за него замуж, если они с Брианной все-таки разведутся?..

Виктор Карсон понурился, признавая свое поражение. В эти минуты он чувствовал себя старым, усталым и бесконечно одиноким.

Этим вечером он допоздна засиделся в своем кабинете, размышляя над тем, что сказала ему Брианна. Перед ним на столе стояла бутылка «Джонни Уокера» и стакан. Обычно Виктор пил мало, но сейчас бутылка была пуста уже больше чем наполовину. Брианна куда-то уехала

с одной из приятельниц и вернулась домой только в два часа пополудни. Как она вошла, Виктор не слышал – он отключился на кушетке в кабинете. Некоторое время Брианна с порога смотрела на его скорченную фигуру, потом отправилась в спальню одна. Ни будить Виктора, ни пытаться каким-то образом перетащить его на кровать она не стала. Брианна была уверена, что в конце концов муж выполнит ее требование. Выбора у него действительно не было: если он не хочет ее потерять, он подчинится. Она держала его за горло, если не сказать грубее.

На следующее утро, когда Брианна уходила в тренажерный зал, она услышала, что Виктор проснулся и принимает душ. Когда она вернулась, он уже ушел в офис. Аудиторы по-прежнему работали в конференц-зале фирмы, и Виктор решил воспользоваться случаем, чтобы самому просмотреть финансы Талли. Дополнительная проверка, считал он, еще никому не вредила. Кроме того, знакомая работа помогала отвлечься от тревожных мыслей о собственном незавидном положении. И вот, после нескольких часов кропотливого труда, Виктор наткнулся на несколько записей, которые его озадачили. Бриджит всегда оплачивала все счета своей работодательницы – она была очень внимательна и аккуратна и никогда ничего не пропускала: сделав запись в общем грессбухе, Бриджит пересылала квитанции ему. Чеки тоже подписывала она – это продолжалось уже несколько лет, и до сих пор Виктору не в чем было ее упрекнуть. Сейчас, однако, его удивило, что Талли, оказывается, регулярно останавливалась в одних и тех же дорогих отелях. Конечно, Виктора совершенно не касалось, на что именно Талли тратит свои деньги, однако фокус заключался в том, что отели-то были лос-анджелесские! А поскольку в Лос-Анджелесе у нее был собственный дом, Виктор решил, что эти посещения отелей как-то связаны с ее бизнесом, следовательно, у него были все основания снизить сумму уплачиваемых ею налогов, добившись так называемого налогового изъятия⁸.

Он снова просмотрел квитанции. Один раз Талли останавливалась в «Бель-Эйр», еще несколько раз – в «Шато Мормон» и «Сансет Маркис». Насколько он помнил, те же самые отели упоминались и в финансовых отчетах Ханта. Его счета, впрочем, оплачивала не Бриджит, а собственный бухгалтер, который работал на Ханта уже много лет. Быть может, подумалось Виктору, Хант и Талли время от времени отправлялись в отель, чтобы провести вдвоем романтический уик-энд или отметить какой-то общий праздник или годовщину, однако не исключено было, что все это были чисто деловые мероприятия. В любом случае ему следовало уточнить это у самой Талли, хотя по зрелом размышлении он и решил, что вопрос с отелями вряд ли имеет существенное значение. Гораздо более серьезным ему показалось то обстоятельство, что Талли регулярно тратила довольно значительные суммы наличных денег, что ему совершенно не понравилось. Как всякий уважающий себя бухгалтер-профессионал, Виктор терпеть не мог расчетов наличными, поскольку их практически невозможно было учесть и задокументировать, что, в свою очередь, неизменно привлекало внимание налоговых органов и могло обернуться крупными неприятностями. Кроме того, наличные суммы, пусть даже потраченные в интересах бизнеса, было почти невозможно провести по статьям, позволяющим добиться разрешенных законом налоговых вычетов, и Виктор считал своим долгом предупредить об этом Талли. И зачем ей вообще понадобилось расплачиваться наличными, недоумевал он. Почему она не пользуется своей кредитной карточкой?

Задумавшись о деньгах, Виктор снова вспомнил о Брианне и о ее внезапно возникшем желании заключить семейное соглашение. Все это ему очень не нравилось – он знал, что ни сейчас, ни в ближайшем будущем не сможет выплатить молодой жене сколько-нибудь значительную сумму, а жалкие крохи, которые он в состоянии наскрести, вряд ли произведут на нее впечатление. Что же, неужели его семейной жизни конец? Виктору не хотелось в это верить. Он просто обязан что-то предпринять, и как можно скорее, но что именно? И, как назло, как

⁸ Налоговое изъятие – сумма, которую налогоплательщик имеет право вычесть из общей налогооблагаемой суммы в качестве своего расхода, который потребовался для получения части дохода.

раз сейчас у него совершенно не было времени – прежде чем заниматься своими делами, он должен был позаботиться, чтобы аудиторская проверка финансовой состоятельности Талли и Ханта завершилась как можно скорее и без каких-либо осложнений и проблем. Меньше всего на свете Виктору хотелось, чтобы излишне щепетильный японский инвестор отказался от участия в проекте из-за него. Талли, разумеется, найдет нового инвестора – в конце концов, для этого у нее были и имя, и безупречная репутация, но ей в любом случае потребуется время, а значит, съемки нового фильма придется отложить на неопределенный срок. Талли, конечно, ничего не скажет, но он все равно будет чувствовать себя так, словно он ее подвел. А Виктор терпеть не мог подводить клиентов, которые на него рассчитывали. Нет, подумал он, нужно хотя бы на время выбросить Брианну из головы и заняться делом.

И он придвинул к себе стопку счетов, поступивших за последние полмесяца. Просматривая их, Виктор составил небольшой список вопросов, которые ему нужно было задать Талли. За этот период она покупала кое-какие вещи дочери; налоговое управление могло посчитать их подарками, следовательно, Талли предстояло уплатить с потраченных сумм соответствующие налоги. Кроме того, налоговики могли счесть парижскую квартиру Талли недвижимостью, находящейся в личном владении, поскольку она уже давно не снимала фильмов во Франции. До этого момента ему удавалось получать с налогов на квартиру профессиональные вычеты, но, поскольку Талли не ездила в Париж уже несколько лет, налоговое управление в любой момент могло пересмотреть этот вопрос. Кроме квартиры, существовало еще несколько расходных статей, по поводу которых Виктору хотелось получить комментарии Талли. Все это, правда, не имело прямого отношения к аудиторской проверке, целью которой было подтверждение ее кредитоспособности и установление объемов реального капитала, которым она владела, но Виктор решил воспользоваться случаем, чтобы привести дела Талли в порядок и заново рассчитать размер полагающихся ей профессиональных налоговых изъятий.

В своей работе Виктор Карсон придерживался консервативного подхода: он никогда не стремился добиться максимальных налоговых льгот, если их обоснования выглядели хоть немного сомнительными. Зато все сделанные им налоговые изъятия были на сто процентов обеспечены соответствующими документами и постановлениями, так что, если бы налоговое управление усомнилось в каком-то из них, он мог аргументированно защищать свое решение. Меньше всего ему хотелось, чтобы из-за его небрежности или поспешности у кого-то из клиентов начались неприятности. В частности, Виктор старался сделать все, чтобы лишний раз не привлечь к их финансам внимание налоговых органов. Правда, не все были довольны такой позицией; кое-кто даже требовал, чтобы он действовал более агрессивно, добиваясь максимальных скидок при налогообложении, но с такими клиентами Виктор предпочитал поскорее расстаться под каким-нибудь благовидным предлогом. Талли, впрочем, никогда не требовала для себя каких-то дополнительных льгот, и Виктор уважал ее за это. Что ж, подумал он, тем больше у него оснований повнимательнее ознакомиться с ее финансовым положением, чтобы к ней не смог придрататься ни один самый въедливый налоговый инспектор. То же самое он был намерен проделать и для Ханта.

Как выяснилось довольно скоро, учет прихода и расхода, который вел бухгалтер Ханта, был не таким подробным, как записи Бриджит. На его счета регулярно поступали крупные суммы, и так же регулярно они с них списывались. К счастью, все свои траты Хант осуществлял при помощи кредитной карты, поэтому получить более детальный отчет не составляло труда. У Виктора все же возникло несколько вопросов, но, когда он позвонил Ханту по телефону, все его недоумения разъяснились. Спросил Виктор и о непонятных счетах из лос-анджелесских отелей, на что Хант ответил, что время от времени останавливался там вместе с Талли и несколько раз снимал номера для деловых встреч с инвесторами, которые приезжали в Лос-Анджелес из других городов. Получив разъяснения, Виктор сразу захотел включить расходы на отели в бизнес-издержки, что позволяло получить налоговые скидки. Он даже спросил, не

помнит ли Хант, сколько он платил в каждом конкретном случае. Хант вспомнил почти все, благо суммы были практически одинаковые, и Виктор вздохнул с облегчением. Вопрос полностью разрешился, и он мог без колебаний включить оплату отелей в список необходимых деловых расходов.

Теперь Виктор был уверен, что и со стороны аудиторов Ханту не грозят никакие неприятности. Его ответы были прямыми и понятными, они полностью удовлетворили Виктора, и он не сомневался, что бухгалтеры японского инвестора тоже не станут сомневаться в их правдивости. Насколько он мог судить, до сих пор аудиторы не нашли в документах Талли и Ханта ничего подозрительного или вызывающего сомнения. Совсем скоро проверка закончится, и все они смогут вернуться к своим обычным делам. Самому Виктору оставалось только задать Талли несколько вопросов наподобие тех, что он задавал Ханту; это было необходимо ему не столько для собственного спокойствия, сколько для того, чтобы внести полную и окончательную ясность в соответствующие статьи ее общего гроссбуха. Быть может, рассуждал Виктор, ему даже удастся добиться для Талли дополнительных налоговых послаблений, если она, как и Хант, снимала номера в отелях не только для себя, но и для своих деловых партнеров.

Оставался также вопрос с калифорнийским «налогом на использование», который относился к вещам, приобретенным Талли в других штатах или за границей. Виктор уже убедился, что Бриджит вела соответствующие записи скрупулезно и точно, не упуская ни одной мелочи, поэтому ему оставалось только уточнить, не сделала ли Талли каких-то приобретений подобного рода в самое последнее время – в том числе для дочери. И наконец, ему по-прежнему хотелось узнать, почему Талли предпочитает тратить столь значительные суммы наличными, вместо того чтобы пользоваться кредитной карточкой, что было бы гораздо удобнее не только для него, но и для нее самой.

Виктор позвонил Талли на мобильный в пятницу вечером, когда ему показалось, что она уже должна освободиться после дневной съемки. Но, судя по голосу, Талли была все еще занята, поэтому Виктор извинился за беспокойство и только потом добавил, что хотел бы прояснить с ней некоторые статьи ее расходов, чтобы навести в отчетности полный и окончательный порядок.

– Разве вы не можете поговорить об этом с Бриджит? – досадливо спросила Талли. За прошедшую неделю они немного отстали от графика съемок из-за неподходящей погоды и множества изменений в сценарии, и теперь Талли беспокоилась, как бы ей не превысить бюджет. – Мне сейчас очень некогда, и...

– Могу, конечно, – осторожно сказал Виктор. – Но... видите ли, вопрос может оказаться довольно деликатным, и...

Услышав эти слова, Талли только крепче стиснула зубы и закатила глаза. Порой старый бухгалтер буквально сводил ее с ума своим педантизмом и вниманием к мелочам. Талли, разумеется, понимала, что за это она ему и платит, и все же ей не всегда было понятно, почему Виктор предпочитает решать часть проблем с ней, а не с ее помощницей. Подчас у нее просто не хватало времени, чтобы отвечать на его вопросы, а иногда она и вовсе не могла этого сделать, поскольку всю оперативную бухгалтерию вела для нее Бриджит.

– В общем, я хотел бы побеседовать с вами, – добавил Виктор несколько более уверенным тоном. – В конце концов, ответственность за ваши налоги несете только вы сами, и если я или Бриджит ошибемся, последствия могут быть, гм-м... крайне нежелательными. Вот почему в данном случае я предпочел бы черпать сведения из первоисточника. Когда вы возвращаетесь в Лос-Анджелес?

– В эти выходные я буду дома, но в понедельник мне снова придется вернуться в Палм-Спрингс.

– В таком случае давайте встретимся в воскресенье, – предложил Виктор, и Талли не сдержала вздоха.

Свое свободное время она предпочитала проводить с Хантом, а не со своим бухгалтером, однако ей было ясно – Виктор сведет ее с ума, но своего добьется. Тут она подумала, что вопросы Виктора, возможно, имеют какое-то отношение к аудиторской проверке, и... снова вздохнула. Ей хотелось как можно скорее покончить с формальностями, а ради этого не жаль было пожертвовать воскресеньем. Да и с Виктором она могла бы встретиться утром, пока Хант будет играть в теннис. Талли никогда бы не подумала, что идеальное воскресенье может начинаться со встречи с бухгалтером, однако деваться было некуда, и она пообещала, что приедет к Виктору в офис в половине одиннадцатого и ответит на все вопросы. Тот, в свою очередь, пообещал не слишком ее задерживать. У него были для этого свои резоны: Брианна любила ездить на поздний завтрак в «Поло Лонж» в Беверли-Хиллз, и ей вряд ли могло понравиться, что он в это время будет на работе.

Поздно вечером, когда Талли наконец добралась до своего дома в Лос-Анджелесе, Хант уже приготовил для нее замечательный ужин. Кроме этого, у него была припасена для нее хорошая новость.

– Аудиторская проверка почти закончена, – сказал он с улыбкой. – И насколько я знаю, проверяющие не нашли ни у тебя, ни у меня ни одной ошибки в записях, ни одной сомнительной статьи прихода или расхода. Остались кое-какие мелкие формальности, но это уже совершеннейший пустяк. Мистер Накамура очень доволен. Он сообщил, что договор будет готов уже на следующей неделе, и он его с удовольствием подпишет. – Хант снова улыбнулся. – Позвольте поздравить вас, мисс Джонс, с благополучным завершением проверки. Отныне все будут знать, что вы не мошенница и не налоговая преступница, а наоборот – вполне платежеспособный гражданин Соединенных Штатов. То же самое, кстати, относится и ко мне... – С этими словами Хант наклонился и поцеловал Талли. Она тоже улыбнулась и рассказала ему о запланированной на воскресенье встрече с Виктором Карсоном.

– Просто не представляю, что он накопал в моих бумагах! – пожаловалась она.

– Ты же знаешь, Виктор – человек въедливый и аккуратный, к тому же он очень любит, чтобы все было в идеальном порядке, – небрежно отозвался Хант. – Он и мне звонил, задавал всякие вопросы. Такое ощущение, что для составления финансового отчета ему необходимо знать, в каких ресторанах я побывал, что я там ел, а главное – разговаривал ли я при этом о бизнесе или о футболе.

Талли снова засмеялась, но заметила, что именно благодаря скрупулезности и даже мелочности Виктора у налогового управления США никогда не возникало к ним никаких претензий. Да и Бриджит, добавила она, ведет соответствующие записи очень аккуратно и подробно. Налоговая проверка могла бы стать для Талли серьезной помехой в ее работе, поэтому она старалась, чтобы статьи ее доходов и расходов были максимально прозрачными и не привлекали внимания налоговиков. Именно поэтому, сказала она, ей стоит встретиться с Виктором и развеять его сомнения, хотя тщательность и обстоятельность, с которыми он подходил к делам, порой не на шутку ее раздражали.

– Я повидаюсь с ним утром, пока ты будешь играть в теннис, – сказала она Ханту. – Он обещал, что не задержит меня надолго, хотя я и не знаю, сумеет ли он выполнить свое обещание. Меньше всего мне хотелось бы провести свое свободное воскресенье с Виктором!

Талли и Хант провели очень приятные, а главное – спокойные выходные. Свободное время оба часто использовали не только для того, чтобы побыть вместе, но и чтобы доделать накопившиеся дела, которые не имели отношения к их основной работе. Например, в субботу Талли с утра прошлась по магазинам, а вечером поехала навестить отца, с которым провела несколько часов. Сэм Джонс очень интересовался тем, как идут съемки фильма, и пока они сидели на скамейке в саду, Талли подробно рассказала ему о своей работе, описала смешные и забавные случаи, произошедшие с актерами на съемочной площадке, и даже поделилась с отцом кое-какими своими идеями, которые были столь необычными и новаторскими, что она

не решалась обсуждать их даже с коллегами-профессионалами. В воскресенье утром Хант, по своему обыкновению, отправился играть в теннис с друзьями, а Талли поехала в офис Виктора Карсона.

Он уже ждал ее. Несмотря на воскресный день, на нем был строгий костюм консервативного покроя и безупречный, хотя и несколько старомодный галстук. Талли же, как и всегда, была одета в застиранные подранные джинсы, стоптанные высокие кроссовки и вылинявшую толстовку с капюшоном, единственное достоинство которой заключалось в том, что она была безупречно чистой.

– Спасибо, что согласились встретиться со мной в воскресенье, – вежливо приветствовала бухгалтера Талли. – Откровенно говоря, у меня сейчас очень плотный график, так что я вам действительно благодарна. Я слышала, аудиторская проверка почти закончена. Наш инвестор уже сообщил, что он удовлетворен ее результатами и готов подписать договор. По-видимому, у нас все в порядке, и в этом есть и ваша заслуга, так что еще раз спасибо за все, что вы для нас делаете.

– Это моя работа, мисс Джонс, – сухо сказал Виктор, поправляя очки.

Перед ним на столе лежал список вопросов, которые он собирался задать Талли, и Виктор поднес его поближе к глазам. Первые несколько вопросов касались калифорнийского налога за пользование; Виктор напомнил Талли, что он касается не только ее, но и Макс и что все вещи, которые она или ее дочь приобрели в Нью-Йорке и привезли в Лос-Анджелес, подвергнутся дополнительному налогообложению в размере, определенном законом штата. В переводе на нормальный человеческий язык это означало, что за каждую вещь, купленную не в Калифорнии, Талли приходилось платить фактически двойную цену, но таков был закон. Она, однако, об этом помнила и поэтому велела Бриджит вести тщательный учет покупок, подлежащих дополнительному налогообложению, и передавать все записи ему. Услышав это, Виктор вздохнул с явным облегчением – он-то знал, что многие люди забывают о необходимости уплачивать дополнительный налог и попадают из-за этого в неприятное положение.

Еще Виктор хотел прояснить несколько моментов, касающихся нанятых Талли работников и независимых подрядчиков, которые обеспечивали процесс съемок. На эти вопросы Талли отвечала почти механически – в них не было ничего особенного, и она недоумевала, почему бухгалтер не обратился со своим списком к Бриджит. Единственной новостью стало для нее, пожалуй, только то, что ее парижская квартира находилась отныне в категории личной собственности, тогда как раньше она считалась имуществом, необходимым для осуществления бизнеса, но Виктор объяснил ей, почему так произошло. Кроме того, бухгалтер счел необходимым напомнить Талли, что Макс будет считаться иждивенкой только до тех пор, пока остается студенткой очного отделения, но она и так об этом знала: Виктор говорил ей об этом раньше, и не один раз.

Лишь под конец Виктор мягко упрекнул Талли за то, что она тратит весьма значительные суммы наличными.

– Поймите, я не смогу добиться для вас профессиональных налоговых вычетов, если не буду знать, на что потрачены эти деньги, – сказал он. – В крайнем случае мне нужны кассовые чеки, однако я предпочел бы, чтобы впредь вы расплачивались кредитной картой.

Талли пожала плечами.

– Вряд ли это имеет большое значение, – ответила она. – Наличными я расплачиваюсь, когда паркую машину на городской стоянке; кроме того, я иногда покупаю мороженое или кофе... Не думаю, что все это даст мне какие-то существенные налоговые льготы.

– В таком случае вы, вероятно, очень любите кофе, – покачал головой Виктор. – По моим подсчетам, вы тратите на него не меньше двадцати пяти тысяч долларов в месяц. – Он очень старался, чтобы в его голосе не прозвучали саркастические нотки. Виктор несколько не осуждал и ни в чем не упрекал Талли – он просто пекся о благополучии своей клиентки.

– Двадцать пять тысяч?! – изумленно воскликнула Талли. – Но это невозможно! Наличными я трачу в месяц не больше двухсот долларов, а может, и меньше. Все покупки я обычно оплачиваю кредитной карточкой, если, разумеется, это не какая-нибудь мелочь вроде крема или шампуня.

Впрочем, даже эти мелочи ей обычно покупала Бриджит. Благодаря помощнице Талли не нужно было тратить время и силы на разные бытовые нужды. Бриджит была очень внимательна и предусмотрительна и часто приобретала необходимые вещи еще до того, как Талли успевала об этом задуматься.

– Это невозможно, – повторила Талли. – Должно быть, вы ошиблись в расчетах или заглянули не в ту колонку, не в тот столбец. Я просто не могу тратить по двадцать пять тысяч долларов в месяц, да еще наличными!

– Смотрите сами, мисс Джонс. Вот кассовые чеки на получение наличных. Вот отметки банка о выдаче. Может быть, вы храните наличные дома?

– Разумеется, нет. Даже когда я покупаю кофе или мороженое, мне приходится брать деньги у Бриджит, потому что обычно у меня с собой только мелочь. Да еще когда Макс приезжает на каникулы, я кое-что даю ей, так сказать, на карманные расходы, но это, конечно, не двадцать пять тысяч. Похоже, вы все-таки где-то ошиблись, – закончила она уверенно.

– Боюсь, никакой ошибки нет. – Виктор упрямо покачал головой. – Именно поэтому я позволил себе настаивать на личной встрече. Сначала я просто хотел уточнить, на что потрачены эти деньги, чтобы получить налоговые льготы, но если вы действительно не знаете, куда деваются эти тысячи... Поймите, это не может меня не беспокоить.

Он говорил таким тоном, что Талли показалось – Виктор считает ее беспечной и безответственной транжирой.

– Бриджит наверняка передала вам расходную ведомость по моей кредитной карте, – возразила она. – За все, что стоит дороже пяти долларов, я расплачиваюсь кредиткой.

– Тогда как вы объясните, что каждый месяц с вашего счета обналичивается по двадцать пять тысяч долларов? – парировал Виктор. – Может быть, это Бриджит делает для вас какие-то покупки?

– Бриджит тоже пользуется кредитной карточкой. У нас открыт специальный совместный счет, средства которого она использует при покупке для меня каких-то вещей или оплате услуг. – Тут Талли вспомнила, что именно Виктор и посоветовал ей открыть такой счет. – Да вы и сами хорошо это знаете, – добавила она. – Я уверена, что Бриджит тоже не станет расплачиваться наличными. Ей это просто не нужно, к тому же это неудобно.

Виктор Карсон покачал головой.

– И все-таки кто-то тратит ваши деньги, мисс Джонс. Если это не вы, то... Словом, вы должны как можно скорее выяснить, кто это может быть.

Он явно был обеспокоен, и Талли тоже почувствовала растущую тревогу. Но как узнать, куда деваются деньги?

– Я не знаю, смогу ли я... – проговорила она неуверенно.

– За три года вы потеряли таким образом около миллиона долларов, – ответил бухгалтер. – Такая сумма не может исчезнуть бесследно.

– Ну хорошо, – согласилась Талли. – Я спрошу Бриджит. Быть может, ей и приходится платить за что-то наличными, просто я об этом не знаю. Пока она вовремя оплачивает все мои счета, мне глубоко безразлично, как она это делает – кредиткой, наличными или, может быть, чеком. Хорошо, я у нее спрошу, – повторила она, несколько успокаиваясь.

Талли не сомневалась, что случившемуся должно быть какое-то разумное объяснение. До сих пор Бриджит вела учет всех ее расходов совершенно безупречно – Виктор, во всяком случае, был ею доволен. Похоже, только внезапная аудиторская проверка заставила его разо-

браться в ее финансовых делах более тщательно – вот он и обнаружил то, чего не замечал прежде.

А Виктор терялся в догадках. Обычно он не расспрашивал клиентов о том, сколько и на что они тратят свои деньги, если, конечно, им не грозили финансовые проблемы. Талли, разумеется, было до этого очень далеко, однако за три года сумма набежала достаточно внушительная даже для нее, да и Виктор считал себя обязанным знать о средствах клиента все, что только возможно. Странное исчезновение столь значительных сумм было для него оскорбительным как для профессионала. «От наличных одни только неприятности!» – подумал он. Некоторые его клиенты тратили наличные доллары направо и налево, а потом никак не могли вспомнить – на что. Талли, к сожалению, тоже не стала исключением. Виктор ни минуты не сомневался, что деньги были потрачены ею в рамках закона, но ему необходимо было знать, когда и на что. И Талли еще раз пообещала это выяснить. Она, в свою очередь, была совершенно уверена, что у Бриджит найдутся разумные ответы на все вопросы.

После этого Виктор задал еще несколько вопросов относительно счетов и накладных, назначение которых ему хотелось уточнить. Одежда для Макс, несколько картин, которые Талли купила в Нью-Йорке, подарки для Ханта, в том числе золотые швейцарские часы – очень дорогие, но и он тоже не жалел денег, когда хотел сделать Талли приятное. В самый конец списка попали авиационные билеты и счета из отелей, о которых Виктор уже спрашивал Ханта.

– Мистер Хант объяснил мне, что вы время от времени проводите там уик-энды, – сказал он извиняющимся тоном.

Счета из отелей его больше не беспокоили, просто Виктор привык тщательно все проверять. По записям в генеральном гроссбухе он видел, что в течение трех лет Талли и Хант часто останавливались в дорогих лос-анджелесских гостиницах. Год назад это прекратилось – во всяком случае, в сводной ведомости расходов Талли по кредитной карте счета из отелей больше не фигурировали. Хант, однако, продолжал снимать номера то в «Сансет Маркис», то в «Шато Мормон», из чего Виктор заключил, что оплату гостиниц он взял на себя.

– Где-где мы проводили уик-энды? – переспросила Талли. Она ничего не понимала.

– В лос-анджелесских отелях, – пояснил Виктор, готовясь закончить разговор. Главные вопросы он уже задал, к тому же ему нужно было вести Брианну в ресторан. Лишний раз сердить жену Виктору очень не хотелось.

– Я никогда не ездила с Хантом ни в какие местные отели, – сказала Талли, пожимая плечами. – Я живу в гостиницах, только когда выезжаю на натурные съемки. Например, сейчас я сняла номер в отеле в Палм-Спрингс, но не на два дня, а на весь месяц. – Она улыбнулась. – Это, как я понимаю, производственные издержки, поэтому налог с потраченной суммы должен быть меньше. Правильно?

– Разумеется, мисс Джонс... – растерянно пробормотал Виктор. Настал его черед удивляться. – Но... как же?.. Судя по документам, которые я видел своими собственными глазами, вы в течение трех лет регулярно оплачивали пребывание в «Бель-Эйр», «Шато Мормон» и «Сансет Маркис». И вы, и мистер Хант тоже... Когда я задал ему этот вопрос, он ответил, что ездит туда с вами или снимает номера для своих иностранных деловых партнеров.

– Должно быть, он просто неправильно вас понял. Мы никогда не бывали в этих отелях и не проводили там уик-эндов, за исключением одного раза, когда у меня дома был ремонт. Тогда мы действительно прожили в «Бель-Эйр» несколько дней, но это было довольно давно. Вероятно, это какая-то ошибка.

Талли снова пожала плечами и вдруг подумала: а вдруг это Бриджит использовала ее счет для оплаты своих амурных походов? Она знала, что помощница ведет довольно беспорядочную любовную жизнь; не исключено было, что в какой-то момент у нее не оказалось при себе ее собственной кредитной карточки, и ей пришлось воспользоваться картой, которую Талли оформила на нее для оплаты текущих расходов. Но в таком случае Бриджит наверняка

восполнила бы недостачу средств на счете. Что, если она сделала это каким-то особым способом, о котором Виктор ничего не знает?

– Это, наверное, Бриджит, – сказала Талли. – Я у нее спрошу, но почти уверена, что это она.

Она была рада, что вопрос разъяснился, хотя мысль о том, что Бриджит может пользоваться ее деньгами для каких-то своих нужд, не слишком ей понравилась. Помощница не должна была так поступать, пусть даже потом она вернула все потраченные деньги. Один раз куда ни шло, но если верить Виктору, Бриджит делала это неоднократно. С другой стороны, такое было совершенно на нее не похоже. До сих пор Бриджит четко вела ее дела – Талли не помнила случая, чтобы помощница допустила ошибку или хотя бы легкую небрежность в финансовых вопросах. Ни у нее самой, ни у Виктора не было к ней никаких претензий. Понадобилась полная аудиторская проверка, чтобы некоторые несообразности в документах выплыли на свет, в противном случае они, скорее всего, никогда бы об этом не узнали.

– Я расспрошу Бриджит насчет этих отелей и пропавших наличных, – пообещала Талли, и Виктор кивнул в знак согласия.

Ему не хотелось настаивать: в конце концов, Хант со всей определенностью заявил, что останавливался в отелях вместе с Талли, она же это отрицала, а Виктор был достаточно искушен, чтобы понять – он вступает на довольно зыбкую почву, к которой финансовые вопросы имеют лишь косвенное отношение. Уже не в первый раз на его памяти обычная проверка счетов приводила к подобным результатам. Виктор знал, что за сухими строками финансовых документов скрываются порой самые настоящие африканские страсти, и не спешил копать вглубь, чтобы не оказаться в неловком положении самому и не поставить в подобное положение клиента. Ему, впрочем, не нужно было напоминать себе, что его компетенция – только счета, приходно-расходные ордера и бухгалтерские книги, а все остальное его не касается. Разбираться в подробностях отношений между Талли и Хантом Виктор не собирался, его интересовало только одно: куда могли уходить наличные деньги? Счета за отели были выписаны на куда меньшую сумму, поэтому он справедливо решил, что это вопрос второстепенный и Талли, Хант и Бриджит как-нибудь разберутся с ним сами. Именно поэтому, прежде чем Талли уехала, бухгалтер еще раз напомнил ей о потерянном миллионе и о том, как важно выяснить все подробности этого странного дела.

Талли, впрочем, не разделяла его тревоги и собиралась задать Бриджит несколько вопросов только для того, чтобы успокоить Виктора. Она не сомневалась, что помощница отлично знает ответ. Неужели, думала Талли, Бриджит и в самом деле останавливалась с любовниками в дорогих отелях, а потом расплачивалась средствами с их общего счета? Ей это казалось маловероятным – в конце концов, Бриджит уже семнадцать лет служила ей верой и правдой. В этом случае оставалось только одно: кража пароля. В прошлом с ней это уже случалось: мошенник каким-то образом узнал номер ее кредитной карты и пароль и принялся скупать в магазинах дорогие вещи, расплачиваясь за которые пришлось, естественно, ей. За свою жизнь Талли несколько раз меняла номер кредитки и пароль, чтобы обезопасить себя от электронных воришек. Несколько обнадеживало ее то обстоятельство, что за последний год ни один из лос-анджелесских отелей не предъявил ей счет за то, что она якобы там ночевала. По-видимому, помогла последняя смена номера кредитки, которую Талли как раз в прошлом году обменяла на новую. Непонятно было только, почему Хант вдруг заявил Виктору, будто они останавливались в отелях вместе, хотя на самом деле они никогда этого не делали? Наверное, решила она, Виктор все же что-то напутал. В остальном же ее счета были в полном порядке, и она могла вздохнуть свободно – вздохнуть и забыть о деньгах, а думать о новом фильме, который мог стать весьма заметным событием мирового кинематографа.

Хант вернулся домой через пять минут после Талли. Он был все еще разгорячен после партии в теннис и сразу прошел в душ. Пока он мылся, Талли успела приготовить салат. Готовить она не любила и не особенно умела, но салат был ей вполне по силам.

Из душа Хант появился в приподнятом настроении, и Талли сразу поняла, что он выиграл. Хант терпеть не мог проигрывать ни в игре, ни в жизни: чем бы он ни занимался, ему обязательно нужно было быть первым, обязательно добиться успеха. Поражения, конечно, случались, и он воспринимал их довольно болезненно, но сегодня, судя по довольной улыбке, все складывалось более чем удачно.

– Ну, что сказал тебе Виктор? – поинтересовался Хант, ныряя в холодильник и доставая оттуда бутылочку «Гейторейда».

– Много всего. – Талли улыбнулась. – Бедняга очень обеспокоен, он задал мне, наверное, миллион вопросов. И кое-что мне тоже показалось странным. Виктор утверждает, что я расходую слишком много наличных денег, хотя на самом деле я их почти не трачу – пользоваться кредитной карточкой гораздо удобнее, если только речь не идет о покупке зубочисток или другой мелочи. Надо будет узнать у Бриджит, может, это она использует наличные, когда делает какие-то покупки или оплачивает счета. Это не слишком хорошо, потому что из-за этого я теряю налоговые льготы. Именно это, кстати, и расстраивает Виктора больше всего. Впрочем, я уверена, что Бриджит сумеет все объяснить. Сама я ничего об этом не знаю...

Талли собиралась упомянуть и счета из отелей, но не знала, как сделать это так, чтобы Хант не подумал, будто она его в чем-то обвиняет. Пожалуй, рассудила она, сначала нужно как следует расспросить Бриджит, вдруг она и в самом деле бывала в отелях со своими любовниками, а расплачивалась ее деньгами. Несомненно, она давно все возместила, внеся необходимую сумму наличными или чеком на один из счетов Талли. В этом случае Виктор, наверное, мог и не разобратся, что это за деньги и откуда они взялись. В общем, подумала она, какое-то разумное объяснение недоразумению с гостиничными счетами, несомненно, существует. В конце концов Талли решила ничего пока не говорить Ханту, поскольку была уверена, что путаница произошла по ее вине или по вине Бриджит. Она все выяснит, а потом объяснит Виктору, в чем дело. Ханту вовсе незачем знать, что проверка выявила несколько мелких проблем в ее финансах.

Остаток воскресенья они провели очень приятно. После обеда Талли и Хант отправились в сад, чтобы посидеть в тени деревьев, вдыхая аромат цветов и молодой травы. Талли нравилось бывать дома – особенно после того, как она подолгу работала на природе. К счастью, нынешняя съемочная площадка в Палм-Спрингс была куда приятнее многих мест, где ей приходилось бывать. Она, во всяком случае, не шла ни в какое сравнение ни с Индией в сезон дождей, ни с африканскими джунглями, охваченными пламенем гражданской войны. Кроме того, Палм-Спрингс находился сравнительно недалеко от Лос-Анджелеса, что также было весьма существенным плюсом.

Пока Талли и Хант отдыхали в саду, Виктор Карсон сидел с Брианной в ресторане «Поло Лонж» в «Бeverли-Хиллз-отеле». После встречи с Талли он вернулся домой на полчаса позже, чем рассчитывал, и теперь жена дулась на него за то, что он заставил ее ждать. Его объяснения нисколько не улучшили ее настроения – Брианна считала, что выходные Виктор должен посвящать ей, а не работе. Свое раздражение она выразила в нескольких колких замечаниях; например, она сказала, что в своем старомодном костюме и галстукe Виктор похож на гробовщика. Брианна давно добивалась, чтобы ее муж одевался в более демократичной манере – например, носил джинсы и ковбойку, но Виктор считал, что даже в воскресенье не может позволить себе ничего подобного из уважения к клиентам.

Словом, день складывался на редкость неудачно, и Виктор заметно приуныл. На это воскресенье он возлагал определенные надежды, рассчитывая помириться с женой. В последние несколько недель они с Брианной виделись урывками: она постоянно куда-то ездила, а он был

занят на работе, поэтому нормального разговора как-то не получалось. Да и сейчас ее замечание насчет «гробовщика» больно его задело, и все же Виктор предпринял еще одну попытку поговорить с Брианной.

– Извини, в последнее время у меня было много работы, но сейчас проверка закончилась, и я буду свободнее, – сказал он, с обожанием глядя на жену.

Брианна выглядела очень эффектно в узком белом платье с глубоким вырезом, которое она купила только на этой неделе. Платье было от Роберто Кавалли и стоило, наверное, бешеных денег, зато оно выгодно подчеркивало ее тонкую талию и безупречной формы грудь.

– Ничего страшного, – небрежно отозвалась Брианна. Она специально дождалась десерта, чтобы застать мужа врасплох. – Мне нужно пять миллионов долларов, – выпалила Брианна без всякого перехода.

– Мне тоже, – улыбнулся Виктор. Он ничего не понял. – Кстати, зачем тебе столько денег?

– Затем, чтобы оставаться твоей женой, – холодно парировала Брианна. – Кроме того, ты должен будешь каждый год выплачивать мне некоторую сумму... я еще не решила какую. Мы обсудим это позже, но сначала ты должен положить мне на счет пять миллионов.

– Но послушай... – растерялся Виктор. – В конце концов, брак – это не деловое предприятие или торговая сделка. Я... У меня просто нет таких денег, – тихо закончил он, стараясь поймать ее взгляд.

– Раньше у тебя были деньги, – возразила она.

– Раньше – да, но не теперь.

Виктор подумал, что даже если бы у него нашлись эти миллионы, он бы все равно не стал платить Брианне, чтобы она оставалась его женой. Виктор терпеть не мог шантажа, а именно этим Брианна сейчас и занималась. «Дай мне денег, иначе я от тебя уйду» – вот в чем заключался смысл всех ее незамысловатых маневров.

– Как насчет трех миллионов? – Брианна готова была торговаться. – Но имей в виду – если ты опять пожадничает, мне придется тебя бросить. Я не желаю чувствовать себя нищей. Мне нужны мои собственные деньги. Только мои, понимаешь?.. Так я буду чувствовать себя уверенней.

«Ты будешь чувствовать себя уверенней, зато я останусь без гроша, – подумал Виктор. – И тогда ты точно меня бросишь».

И все же он предпринял еще одну попытку.

– Пойми, Брианна, у меня просто нет таких денег! – сказал он, хотя и понимал, что все бесполезно.

Виктор не знал, зачем адвокату Брианны потребовалось рассказывать ей про семейное соглашение, но эта идея накрепко засела у нее в голове, и теперь вместо «соглашения» их браку пришел конец.

– Если ты не заплатишь три миллиона, – холодно сказала Брианна, пока Виктор расплачивался по счету, – я буду вынуждена от тебя уйти. Я не хочу быть женой человека, который не может сделать меня счастливой.

Виктор прикусил губу. «Счастье» Брианны стоило слишком дорого, но он по-прежнему боялся ее потерять. Что же ему делать? Брианна раскрыла свои карты, теперь ход был за ним.

Пока они ждали, чтобы служитель подогнал их машину ко входу в ресторан, Виктор не произнес ни слова. По пути домой они тоже молчали. Старый бухгалтер был бледен – он отчетливо понимал, к чему идет дело. Либо он заключает с Брианной семейный договор и платит ей три миллиона, либо она уходит и ему придется выплачивать ей алименты и содержание.

Виктор так глубоко задумался, что проскочил на красный свет и едва не столкнулся с другой машиной. Жена наградила его злобным взглядом.

Глава 5

В понедельник утром Бриджит заехала за Талли, и они вместе отправились в Палм-Спрингс. По дороге Талли заговорила о своей встрече с Карсоном и о том, что ее личный бухгалтер озабочен исчезновением крупных сумм наличных денег.

– Может быть, ты что-то покупала? – спросила она, потягивая сладкий кофе-латте, который купила на выезде из Лос-Анджелеса. – Или оплачивала наличными какие-то счета?

– Конечно, нет, – отозвалась Бриджит. – Зачем мне это? Все счета и все покупки я оплачиваю кредитной карточкой или выписываю чек, и Виктор прекрасно об этом знает.

– Я так ему и сказала, – кивнула Талли. – Просто не представляю, как он мог подумать, будто мы тратим такие значительные суммы наличными. Это просто абсурд! Должно быть, Виктор перепутал счета.

Она по-прежнему не исключала такой возможности – главным образом потому, что не видела никаких других вариантов. Была ли это ошибка Виктора или кого-то из его сотрудников, не имело значения: Талли была абсолютно уверена, что ни Бриджит, ни она сама не могли бы расходовать по двадцать пять тысяч долларов в месяц. В ее представлениях, правда несколько наивных, ибо она никогда не сталкивалась с изнанкой жизни, такую большую сумму наличными мог потратить только человек, который употребляет наркотики, играет на тотализаторе или пользуется услугами дорогих проституток.

– В последнее время Виктор действительно выглядит несколько, гм-м... рассеянным, – заметила Бриджит. – Так мне, во всяком случае, показалось. Может, он болен... или просто слишком стар, чтобы заниматься бухгалтерской работой.

– Даже не знаю, в чем тут дело!.. – Талли покачала головой. – Я тоже удивилась. Ладно, я ему позвоню и скажу, что здесь какая-то ошибка. – Тут она вспомнила о счетах из отелей. Наверняка это тоже недоразумение, подумала Талли, однако не спросить об этом Бриджит она не могла – с ее стороны это было бы просто непорядочно по отношению к Виктору. В конце концов, он же просил ее разузнать все как можно подробнее.

– Еще Виктор показывал мне счета из «Шато Мормон» и «Сансет Маркис»... – добавила она.

Последовала короткая, едва уловимая пауза, причем Талли показалось, что Бриджит как-то слишком внимательно смотрит на шоссе впереди, хотя дорога в этот час была совершенно пустой.

– Я... я хотела узнать, – продолжила Талли извиняющимся тоном, – может быть, это ты? Ну, вдруг тебе некуда было пойти с одним из своих приятелей, вот ты и сняла номер в отеле, а потом расплатилась нашей общей кредиткой?

– Я никогда не снимала номеров ни в одном из этих отелей, – ответила Бриджит тоном, пожалуй, несколько более резким, чем диктовала ситуация. – Я что, бездомная? Когда мне нужно с кем-то переспать, я еду к себе домой, а не снимаю номер в гостинице. И вообще, трахаться с мужиками по отелям – это дурной тон, – добавила она с усмешкой, но тут же нахмурилась. – Ты говоришь, Виктор показывал тебе счета? Не понимаю, как это может быть. Похоже, у тебя опять украли пароль к кредитке.

– Я тоже об этом подумала, – согласилась Талли. – Ничего другого просто не остается. Сначала, правда, я подумала, может быть, это ты... Например, у тебя не оказалось твоей собственной кредитки, вот ты и расплатилась нашей общей карточкой. А когда ты восполнила деньги на счете, они прошли по другой графе, – или как там это называется в бухгалтерии?... В общем, Виктор решил, будто это мои расходы, и захотел узнать, имеют ли они отношение к бизнесу, чтобы добиться налоговых льгот.

– Я никогда не забываю свою кредитку, – ответила Бриджит. – Я не какая-нибудь финтифлюшка, у которой в голове гуляет ветер. К тому же, даже если бы я была в одном из этих отелей с мужчиной, я бы не стала платить за номер. Расплачиваться должны мужчины, разве не так?

– Конечно, ты права. – Талли виновато улыбнулась. – Платить должны мужчины, и ты *не* финтифлюшка, уж я-то знаю. Значит, Виктор что-то перепутал.

Больше она ни о чем не спрашивала. Убедившись, что Бриджит ни при чем, Талли просто выбросила проблему из головы. Пусть Виктор сам ищет объяснение тому, что случилось. Она сделала все, что было в ее силах.

И, достав из сумки сценарий, Талли с головой ушла в работу. До Палм-Спрингс оставался всего час езды, а она еще не закончила просматривать изменения, которые сценаристы успели сделать за выходные.

Виктору она позвонила из своего трейлера, когда Бриджит ушла за кофе – в походном буфете, разместившемся в фургоне, эспresso и капучино готовили не хуже, чем в «Старбаксе». Поздоровавшись, Талли сообщила, что Бриджит тоже не может объяснить, куда могли подеваться наличные, и что к счетам из отелей она не имеет никакого отношения. При этом голос ее звучал настолько безмятежно, что Виктор был неприятно удивлен. По его глубокому убеждению, человек, который обнаружил в своем бюджете дыру размером в один миллион долларов, не мог не испытывать тревоги. Он даже не удержался от легкого упрека:

– Прошу меня простить, мисс Джонс, но я не понимаю, как вы можете так спокойно говорить о... о таких серьезных вещах. Согласен, с этими деньгами много непонятного, но... Хорошо, давайте пока оставим вопрос с наличными в покое и поговорим о счетах из отелей. Вы утверждаете, что ни вы, ни ваша помощница там никогда не останавливались, но мистер Хант в разговоре со мной со всей определенностью заявил, что бывал там вместе с вами.

При этих словах у Талли вдруг сжалось сердце, но она постаралась отогнать нехорошее предчувствие. Хант... Нет, этого не может быть, твердила она себе. Виктор что-то напутал!

– Мне кажется, вы ошиблись, Виктор, – проговорила она тихо. Хант просто не мог сказать ничего такого, Бриджит тоже отрицала, что ездила в эти отели с мужчинами. Кто же в таком случае жил в них за ее счет? – Я думаю, кто-то снова узнал мой пароль и номер кредитки. Так уже было несколько раз, – добавила она и с облегчением вздохнула, почувствовав, как ее сердце снова забилося в обычном ритме.

– Вы считаете? – В голосе бухгалтера прозвучало сомнение. – Хорошо, я все проверю и перезвоню вам. В агентстве по работе с кредитными картами⁹ должны сохраниться данные о человеке, который останавливался в отеле вместо вас.

– Я уверена, это кто-то незнакомый, – сказала Талли.

– Я перезвоню, – ответил Виктор и дал отбой, а через несколько секунд в трейлер вошла Бриджит.

– Что-нибудь случилось? – спросила она, протягивая Талли пластиковый стаканчик с горячим латте, от которого поднимался ароматный парок. – У тебя расстроенный вид. Можно подумать, твоя любимая бейсбольная команда только что продула финальный матч.

Талли рассмеялась и сразу почувствовала себя лучше.

– Нет, ничего не случилось. Просто Виктор иногда бывает таким упрямым, что... Он как собака со старой костью – на ней и мяса-то давно не осталось, но он упорно не хочет разжать зубы. Эта история с наличными и со счетами из отелей... Я готова спорить на что

⁹ Агентство по работе с кредитными картами занимается обработкой продаж по кредитным картам: выписывает и рассылает счета на оплату покупок в кредит, высылает уведомления об оплате, отслеживает должников, пресекает мошенничества в сфере использования кредитных карт и т. п.

удовно: напортил кто-то из его помощников. Вот увидишь – скоро выяснится, что путаница произошла только из-за того, что какой-то клерк что-то не туда вписал.

– Я уже давно не делаю ошибок, когда работаю с финансовыми документами, – с гордостью сказала Бриджит.

– Я знаю. И ни в чем тебя не упрекаю, просто Виктор... он пристал ко мне как банный лист. Нет, я понимаю, что он желает мне только добра, но почему он не хочет признать, что ошибка его, а не наша? Сначала эти пропавшие наличные, потом счета из отелей, где я якобы жила... Ну не желаю я переживать из-за этого, будь это чья-то ошибка или очередная кража пароля. Кстати, ты в курсе, что когда в последний раз кто-то украл пароль к моей карте, он отправился в секс-шоп, а потом побывал в десятке баров? На большее его фантазии не хватило, так что я почти ничего не потеряла. Отели, конечно, обошлись мне несколько дороже, чем надувная женщина и несколько порций виски, но если разобраться, то и это пустяк, однако Виктор никак не хочет успокоиться! Знаешь, что он мне заявил? Хант якобы говорил ему, будто он останавливался в этих отелях со мной, хотя я твердо знаю – он не мог сказать ничего подобного. – Талли вздохнула и отпила глоток кофе. – У Виктора наверняка какие-то неприятности: он так нервничает, что путает все на свете. Когда он передал мне слова Ханта, я сама едва не заволновалась, но потом поняла – это Виктор заразил меня своим безумием. Вот увидишь, скоро все выяснится, то есть я хочу сказать – он сам во всем разберется и поймет, что произошла ошибка. Я, во всяком случае, не собираюсь обвинять Ханта в том, что он от меня что-то скрывает, только потому, что одному старому бухгалтеру шлея под хвост попала. Бр-р, терпеть не могу всю эту бухгалтерию! – Она поежилась. – Как хорошо, что у меня есть ты, Бриджит, ты делаешь за меня всю самую неприятную работу.

Талли потянулась к сценарию, а Бриджит рассмеялась.

– Я тоже не люблю цифры, приход-расход и прочее, – сказала она. – Что касается Виктора, то он такой же зануда, как все бухгалтеры, – ужасно боится ошибиться и от этого нервничает еще больше. – И она протянула Талли ее «Блекберри».

– Да, наверное, – согласилась Талли, приканчивая кофе и засовывая сценарий под мышку. «Блекберри» она перевела в режим вибрации и засунула в задний карман шортов. – Ну, пора за работу.

Через минуту она уже сидела вместе с оператором на площадке съемочного крана, выбирая наиболее выигрышный угол съемки. Все недоразумения и проблемы были забыты – сейчас для нее существовала только ее любимая работа.

Съемочный день выдался напряженным – нужно было наверстывать упущенное из-за плохой погоды время. Талли даже не пошла обедать, удовольствовавшись парой бутербродов и несколькими чашками кофе, которые принесла ей Бриджит. Был уже ранний вечер, когда она вспомнила про свой «Блекберри» и, достав его из кармана, стала просматривать поступившие сообщения. Сообщений было четыре – все от Виктора, и Талли досадливо поморщилась. Прежде чем перезвонить бухгалтеру, она нашла спокойный уголок и, сев на складной стульчик, откупорила бутылку минеральной воды. Краем глаза она наблюдала за Бриджит, которая о чем-то болтала с одним из актеров. Наверное, этот молодой, мускулистый парень станет ее партнером на сегодняшнюю ночь, подумала Талли, по памяти набирая номер Виктора.

Виктор ответил на втором звонке.

– Я хотел сообщить вам новости насчет отелей «Шато Мормон» и «Сансет Маркис», мисс Джонс! – выпалил он, даже не поздоровавшись, и Талли невольно вспомнила свои слова насчет пса, который никак не может расстаться со старой костью.

– Я уверена, что это все украденный пароль, Виктор, – перебила она. – В прошлый раз вы тоже не могли понять, откуда взялись счета из детройтских баров, и... Почему бы вам не бросить это дело, раз деньги все равно не вернуть?

– Я не люблю загадки, мисс Джонс, – сухо ответил Виктор. – В особенности когда речь идет о моих клиентах.

– Я очень ценю вашу, э-э... добросовестность, но, как я уже сказала, вернуть деньги, скорее всего, все равно нельзя, к тому же украденная сумма не так велика. – Талли старалась говорить небрежно, но в груди у нее снова проснулось беспокойство.

– Тем не менее я обязан найти объяснение происшедшему. Достоверное объяснение, мисс Джонс. Сегодня я звонил в агентство по работе с кредитными карточками. Они хранят все подписанные квитанции на микрофишах¹⁰. Я попросил переслать мне по факсу копии, чтобы посмотреть, чья на них стоит подпись.

– Только не говорите, что моя!.. – Талли едва не рассмеялась – до того невероятным показалось ей ее собственное предположение.

– Не ваша, – согласился Виктор. – Квитанции-слипы подписывала мисс Паркер. Ее подпись стоит на квитанциях из «Шато Мормон» и «Сансет Маркис». На слипе из «Бель-Эйр» расписывались вы, но вы уже объяснили, что жили там во время ремонта. Ну а если вы продолжаете думать, будто я ошибся, то могу вас заверить: подпись мисс Паркер я знаю очень хорошо.

– Но Бриджит сказала, что никогда не останавливалась ни в одном из этих отелей, – решительно возразила Талли. Своей помощнице она верила гораздо больше, чем старому бухгалтеру, и по-прежнему была убеждена, что Виктор ошибся. Мысль о том, что Бриджит может быть причастна к этому недоразумению, не укладывалась у нее в голове.

– Возможно, она позабыла. Ведь это было сравнительно давно, – спокойно сказал Виктор.

– Я так не думаю.

– Мне кажется, ей не особенно приятно признаваться вам в том, что она использовала вашу карточку и ваши деньги в личных целях. В этом случае она постаралась бы возместить израсходованные средства так, чтобы не привлекать к этому внимания. Вот почему ни вы, ни даже я ничего об этом не знаем. – Виктору тоже хотелось верить в честность Бриджит, однако никаких доказательств того, что она вернула растраченные деньги, он пока не обнаружил. С другой стороны, теперь он твердо знал, что Бриджит побывала в обоих отелях. Это подтверждали ее подписи на квитанциях-слипах, которые бухгалтер узнал и без всякой экспертизы. Так он и сказал Талли, но она по-прежнему не желала верить в очевидное.

– Может быть, ее подпись кто-то подделал? – предположила она.

– Все может быть, мисс Джонс, но я что-то в этом сомневаюсь. Я хорошо знаю руку мисс Паркер.

– Напрасно вы так, Виктор... – тихо проговорила Талли. – Бриджит оплачивает все поступающие счета, у меня на это просто нет времени. Для этого она мне и нужна. А вы вносите эти счета в основную бухгалтерскую книгу, ведете общий учет расходов и поступлений и составляете итоговый баланс. Вот почему я думаю, что, даже если бы Бриджит захотела смошенничать, она бы сделала это иначе – так, чтобы никто этого не заметил, даже вы. С ее стороны было бы глупо расплачиваться за номер в отеле моей картой, ведь Бриджит не могла не понимать, что ее счета рано или поздно попадут в ваши руки.

– Не так уж и глупо. Если бы не эта независимая проверка, я продолжал бы считать, будто в этих отелях останавливались вы с Хантом. И не забудьте про миллион долларов, который испарился неизвестно куда! Судя по документам, вы каждый месяц тратите двадцать пять тысяч наличными, но ведь вы говорите, что не имеете об этом ни малейшего представления. Откровенно говоря, эта проблема беспокоит меня гораздо больше, чем непонятная история со счетами из отелей.

– Меня она тоже беспокоит, – быстро сказала Талли, хотя до этого она почти не вспоминала про исчезнувший миллион. То, что Виктор ставил под сомнение порядочность Бриджит,

¹⁰ Микрофиша – карточка с несколькими кадрами микрофильма.

тревожило ее куда сильнее. Тут к ней в голову пришла новая мысль, и Талли с радостью за нее ухватилась. – Знаете что?.. – сказала она. – Если вы не против, я хотела бы показать счета и сводные ведомости отцу. Он разбирается в этих вещах гораздо лучше меня, может быть, он что-нибудь посоветует.

Сэм Джонс не был бухгалтером, однако за долгую адвокатскую карьеру он изрядно поднаторел в работе с самыми сложными финансовыми документами. Кроме того, его советы всегда были взвешенными и по-житейски мудрыми.

– Конечно, покажите, – согласился Виктор.

– Тогда так и сделаем, – ответила Талли. – Спасибо за звонок, Виктор. Я перезвоню вам позже.

Она еще некоторое время сидела неподвижно, размышляя о странных счетах из отелей, но так ничего и не придумала. Вздыхнув, Талли снова взялась за телефон и набрала отцовский номер.

– Привет, па! – сказала она, как только тот снял трубку. Талли очень старалась, чтобы ее голос звучал как можно беззаботнее, но старый юрист слишком хорошо знал свою дочь. За всю жизнь Талли ни разу не удавалось его провести.

– Что стряслось? – Сэм Джонс по обыкновению старался сразу взять быка за рога.

Талли принужденно рассмеялась.

– Слушай, па, тут во время аудиторской проверки всплыли кое-какие не совсем понятные обстоятельства, и мне нужен твой совет. Мне кажется, мой бухгалтер ошибся, но я не совсем уверена... Ты не взглянешь на документы?

На мгновение ей стало неловко – в конце концов, ее отец был уже стар, и силы нередко ему изменяли. С другой стороны, его ум оставался быстрым и ясным, а интуиция порой просто поражала.

– Конечно. Пришли мне документы, когда сможешь. А в чем, собственно, проблема?

– Мой бухгалтер, Карсон, утверждает, что я ежемесячно расходую около двадцати пяти тысяч долларов наличными, тогда как на самом деле я трачу от силы две сотни. Бريدжит тоже говорит, что оплачивает все счета кредитной картой или чеком. В общем, мы никак не можем разобраться, в чем тут дело.

– У тебя есть объединенный счет с Хантом? – тотчас спросил Сэм.

Как и всегда в подобных случаях, он предпочитал говорить без обиняков, хотя Хант ему очень нравился. Кроме того, Сэм прекрасно знал, что у Ханта достаточно своих денег и он никогда не скупится, когда речь идет о подарках Талли или Макс.

– Нет, – сказала Талли. – У нас нет общего имущества. Виктор, кажется, тоже меня об этом спрашивал. Бедняга до сих пор ломает голову, но у него, похоже, нет никаких предположений насчет того, куда могли деваться эти деньги. Двадцать пять тысяч в месяц... Виктор утверждает, что за три года я потеряла без малого миллион. Это, конечно, немало, но я велела себе не расстраиваться, пока все не выяснится. Быть может, это просто какая-то ошибка.

– Пусть твой бухгалтер пришлет мне все записи и сводные ведомости. Я постараюсь помочь.

– Спасибо, па.

Талли почувствовала, как у нее потеплело на сердце. Сколько она себя помнила, отец всегда готов был прийти к ней на помощь, поддержать советом или просто шуткой. Тем не менее о счетах из отелей она говорить не стала – главным образом потому, что не видела в этом большого смысла. Вряд ли Сэм мог каким-то образом узнать, было ли появление этих счетов следствием кражи пароля к кредитке, или просто Бريدжит утаила от Талли правду. Другое дело – наличные. Если Виктор где-то ошибся, отец непременно выяснит где, и тогда странная ситуация наконец разрешится. Разрешится ко всеобщему удовлетворению, как надеялась Талли.

И она позвонила Виктору и попросила переслать отцу копии всех документов, какие могли ему понадобиться. Виктор обещал, что отправит их с курьером в самое ближайшее время, и Талли с легким сердцем вернулась к работе. Она не сомневалась, что история с пропавшим миллионом очень скоро разъяснится.

Вечером Бриджит отвезла Талли в Лос-Анджелес. По дороге подруги, как всегда, болтали о всякой всячине, но Талли, хотя и старалась поддерживать разговор, была рассеянна и не особо внимательна. Она думала о том, что сообщил ей Виктор, и никак не могла сосредоточиться на беседе. Бриджит, впрочем, не заметила легкой холодности подруги. В Лос-Анджелесе она высадила Талли перед ее особняком и укатила.

По дороге домой Талли все же решила спросить Ханта об отелях, но, когда отворила дверь, сразу поняла, что он еще не вернулся. На кухне Талли нашла записку, в которой Хант сообщал, что ужинает с инвесторами и будет поздно. Заканчивалась записка обычным «Люблю, целую», но сейчас эти слова показались Талли не совсем искренними. Опустившись на диван, она снова задумалась о том, какое отношение Хант может иметь к дорогим лос-анджелесским отелям и почему он сказал Виктору, что останавливался там вместе с ней.

Так ничего и не придумав, Талли позвонила дочери в надежде немного отвлечься. Они очень мило поболтали, но потом Макс сказала, что ей нужно еще кое-что почитать к завтрашнему семинару, и Талли нехотя повесила трубку. Не успела она отложить телефон, как он снова зазвонил. Это был ее отец.

– Виктор был прав, – сказал Сэм Джонс обеспокоенно. – Ты действительно теряешь каждый месяц по двадцать пять тысяч или около того. Ты не пробовала поговорить с Бриджит? Как она это объясняет? Насколько я помню, твоя помощница всегда была очень аккуратна, но и двадцать пять тысяч наличными совсем не та сумма, которую можно просто «потерять».

– Я знаю, па, – ответила Талли. – Бриджит ничего не понимает, да и я тоже. Во всяком случае, я не швыряю доллары направо и налево. Я даже не играю на тотализаторе!..

– Я знаю, дочка. – По его голосу Талли поняла, что отец улыбается, однако его тревога не улеглась.

– Бриджит уже семнадцать лет оплачивает все мои счета и подписывает чеки, – добавила она. – И за все это время она не совершила ни одной ошибки, не говоря уже о... Так я, во всяком случае, считала, но Виктор утверждает, что я теряю деньги уже несколько лет...

Три года, если точнее. Ровно три года назад Хант переехал к ней, однако, насколько она знала, у него никогда не было доступа к ее деньгам, так что разгадка лежала, скорее всего, где-то в другой области. Тут Талли невольно вздрогнула. Теперь она знала достаточно много, чтобы испытывать тревогу, но все же этого было слишком мало, чтобы найти ответ на мучившие ее вопросы.

– Я уверена, что это не Бриджит, па, – добавила она. – У нее хватает своих денег, которые достались ей по наследству от матери, к тому же у меня она получает хорошую зарплату. Нет, Бриджит нет никакой необходимости... красть. – Произнести последнее слово ей было нелегко, но Талли чувствовала, что должна озвучить все возможные варианты. – И она человек просто кристальной честности, другого такого я в жизни не встречала. За семнадцать лет у нее не прилипло к рукам буквально ни цента! – добавила Талли. Она доверяла Бриджит безоговорочно, но доверяла не просто так, от широты души или по глупости. Бриджит заслужила ее доверие, доказав свою честность и надежность.

– Что ж, раз это не ты тратишь наличные, значит, кто-то делает это вместо тебя, – философски заметил Сэм. – Хотел бы я знать – кто... – Он немного помолчал. – Что ты намерена предпринять?

– Пока не знаю, – ответила Талли упавшим голосом – ее настроение снова ухудшилось.

Она-то надеялась, что отец найдет у Виктора ошибку, но оказалось, что бухгалтер был прав: кто-то ее регулярно обворовывал. И это мог быть кто-то из близких ей людей, что еще больше осложняло ситуацию.

Самое неприятное заключалось в том, что Талли не знала, к кому можно обратиться за помощью. Потерянный миллион, странные счета из отелей... Бриджит утверждала, что никогда там не бывала, но Виктор обнаружил на квитанциях ее подпись. Да еще Хант вдруг заявил, что останавливался там с Талли... при условии, естественно, что Виктор его правильно понял. Получалось, что и Бриджит, и Хант лгали, но зачем? Этого Талли не знала и терялась в догадках. Конечно, оставался еще слабенький шанс, что имело место электронное мошенничество, но Талли с каждой минутой верила в это все меньше. Почему-то ей казалось, что существует другое объяснение – и что это объяснение ей очень не понравится.

Этим вечером она долго лежала в постели без сна, а в голове ворочались тревожные мысли. Талли мучительно пыталась найти ответ, который бы ее устроил, но раз за разом возвращалась к одному и тому же. Бриджит и Хант... Помимо отца и дочери, это были два самых близких ей человека, которым она привыкла доверять, и вот теперь в ней росла странная уверенность, что оба ей лгут – точнее, не говорят всей правды (даже в мыслях Талли не осмеливалась пока употребить слово «ложь»). И это было ужасно. До сих пор у нее не было никаких оснований им не верить.

Когда вернулся Хант, было уже очень поздно, но Талли еще не спала. Разговаривать с ним сейчас она не хотела, поэтому, заслышав в коридоре его шаги, притворилась спящей. Впрочем, Талли сомневалась, что утром что-то изменится и ей достанет храбрости задать ему неудобные вопросы. Вдруг он скажет, что никогда не ездил в эти отели? Уличать Ханта в обмане она не хотела, к тому же Талли одинаково боялась услышать и ложь, и правду.

Осторожно войдя в темную спальню, Хант разделся и лег рядом. Скоро он заснул, но Талли еще долго лежала, глядя в темноту. Задремала она только перед самым рассветом, причем ей показалось, что будильник зазвонил в тот самый момент, когда она наконец закрыла глаза.

Бриджит, как обычно, заехала за ней очень рано. Ночью Талли спала не больше часа, поэтому выглядела ужасно, а чувствовала себя еще хуже. По дороге в Палм-Спрингс они почти не разговаривали, что было довольно необычно. Талли говорить не хотелось, да она и не знала, что сказать; Бриджит тоже молчала, но почему – об этом Талли даже не догадывалась.

Они уже подъезжали к Палм-Спрингс, когда Бриджит вдруг притормозила и свернула на обочину шоссе. Талли удивленно вскинула глаза и увидела на лице подруги мучительную гримасу. Что-то не так, в панике подумала Талли. Что-то произошло или вот-вот произойдет...

– Я... Нам нужно поговорить, – проговорила Бриджит срывающимся от волнения голосом. – Я часто думала, что мне делать в подобной ситуации, но... В общем, я надеялась, что меня минует чаша сия, но вот... не повезло. В общем, я должна сказать тебе насчет Ханта. И признаться...

При этих словах Талли вздрогнула. На мгновение ей захотелось выскочить из машины и бежать куда глаза глядят, лишь бы не слышать того, что собиралась поведать ей подруга. Она не сомневалась, что ничего хорошего не услышит. Да и Бриджит, похоже, тоже очень не нравилось то, что она собиралась сказать; это было написано на ее лице огромными буквами, и Талли пришлось сделать усилие, чтобы подавить в себе иррациональное желание заткнуть уши.

– Признаться в чем?.. – Казалось, ее губы сами произнесли эти слова.

– Я... Примерно три года назад, сразу после того, как Хант переехал к тебе, он пришел ко мне за наличными. По его словам, ты попросила его за что-то расплатиться. За что именно, я уже не помню, но его объяснения звучали вполне правдоподобно. К тому же, как я сказала, вы только что начали жить вместе и производили впечатление счастливой пары. Во всяком

случае, мне казалось – ты влюблена в него до безумия, и, если бы я тогда стала спрашивать, можно ли давать ему деньги, ты могла... расстроиться. Или даже рассердиться на меня.

– Что за глупости!.. – растерянно пробормотала Талли.

Она никогда не была «безумно» влюблена в Ханта. Любовь пришла позже – уже после того, как они прожили вместе какое-то время. Впрочем, Хант с самого начала ей нравился достаточно сильно, иначе бы она не согласилась на его переезд к ней. Тогда ей казалось, что это удачный ход, и она действительно ни о чем не жалела. До сегодняшнего дня.

– В общем, я обналичила для него в банке пару тысяч, – продолжала Бриджит. – Я думала, что это все. Каково же было мое удивление, когда спустя неделю Хант снова потребовал у меня деньги. Это, правда, были не очень большие суммы: он говорил, что забыл обналичить чек или что ты просила его взять у меня наличные на какие-то покупки, ну а потом... Так оно и покатилося, а когда я опомнилась, то поняла, что Хант берет у меня деньги регулярно. Честно говоря, я растерялась и не знала, что делать. Меньше всего мне хотелось доставлять тебе неприятности, особенно после всего, через что ты прошла с тем актером-англичанином, да и Хант казался мне приятным парнем. В общем, все это понемногу продолжалось, и... Я и не представляла, сколько денег Хант набрал за все это время, пока ты мне не сказала... Нет, не спрашивай меня, зачем ему столько денег и что он с ними делает – может, тратит их на себя, а может, складывает в кубышку. Меня это не интересовало, да и не интересует. Я только боялась, что, если я тебе все расскажу, у вас с Хантом все будет кончено, а я вам этого ни в коем случае не желала. Вот почему я мирилась с этим три года, вот почему ничего тебе не говорила. Наверное, я поступила неправильно, но поверь – я каждый день мучилась и переживала... Кроме того, Хант все-таки неплохой парень; быть может, он не очень честный, но по нынешним временам и такой мужчина – редкость, уж я-то знаю. В общем, Талли, наличные, которые исчезли с твоего счета, попали к нему... – добавила Бриджит убитым голосом. – Поначалу он просил, придумывал какие-то предлоги, но теперь просто-таки ждет, что я сама отдам их ему.

Она отвернулась, низко опустив голову. Вид у нее был крайне виноватый, но Талли почему-то не чувствовала жалости.

– Значит, ты просто отдавала ему деньги, – проговорила она. – И ничего мне не сказала! Почему? Почему, Бриджит?! – воскликнула Талли, поддавшись охватившему ее смятению.

Оказывается, мужчина, с которым она жила и которого любила, на протяжении трех лет воровал у нее деньги, а помогала ему в этом ее лучшая подруга. И она не только отдавала ему деньги, но и покрывала его – все три года молчала, а это немалый срок. Почему Бриджит ничего не сказала раньше? Она сделала из нее круглую дуру, а сама... сама стала невольной сообщницей Ханта.

Да, подумала Талли мельком, от таких новостей у кого хочешь прибавится седых волос. Хант и Бриджит сделали из нее полную идиотку; нет, хуже – они ее предали...

– Как ты могла... как ты могла отдавать ему мои деньги и молчать? – спросила Талли тихим, дрожащим голосом. Она была настолько потрясена, что каждое слово давалось ей с усилием.

– Я же говорю – я боялась испортить ваши отношения. Тебе нужен мужчина, Талли. Очень немногие женщины способны долго выносить одиночество и при этом оставаться собой. К тому же Хант очень помогал тебе в твоей работе, ведь он один из лучших продюсеров Голливуда. Помнишь первый фильм, который вы сделали вместе? Он стал настоящим блокбастером, а лента, которую вы снимаете сейчас, будет еще лучше, уж можешь мне поверить. Я бы себе не простила, если бы помешала вашему сотрудничеству. Впрочем, я и так никогда себя не прощу...

Талли только покачала головой. Бриджит, разумеется, хотела как лучше, но теперь все слишком запуталось. Если бы она рассказала ей все с самого начала, Талли потеряла бы одного

Ханта, но теперь, похоже, она лишится не только любовника, но и подруги. В объяснениях Бриджит чего-то не хватало, но чего – она никак не могла понять.

– Ты позволяла ему брать мои деньги и ничего мне не говорила, потому что беспокоилась за меня, так? – проговорила Талли. – Что-то я никак не разберу, Бриджит, на чьей ты стороне?

– На твоей! Конечно, на твоей! – воскликнула Бриджит, и в ее глазах блеснули слезы. – Я совершила ужасную ошибку и теперь раскаиваюсь. Хант использовал меня, а мне не хватило мужества тебе признаться. Но – честное слово! – до нашего вчерашнего разговора я не представляла, во сколько тебе обошлась моя ошибка. Ведь Хант никогда не брал помногу сразу – по одной, по две тысячи, реже по пять... Мне и в голову не приходило, что за месяц набирается двадцать пять тысяч!

– И так продолжалось все три года?

Бриджит виновато кивнула.

– И обошлось мне почти в миллион, – грустно констатировала Талли. – Не понимаю, зачем ему это понадобилось?! Ведь Хант зарабатывает больше меня...

Она действительно не понимала, зачем Ханту могли понадобиться ее деньги, но Бриджит она поверила. Слишком уж некрасивой была эта история, а именно такие истории чаще всего и оказываются правдой. К тому же ей казалось, что Бриджит не стала бы выдумывать. Несмотря ни на что, Талли по-прежнему верила подруге, хотя ее доверчивости и был нанесен чувствительный удар.

– Хант, конечно, просил тебя ничего мне не рассказывать? – снова спросила она.

Теперь, когда она узнала самое страшное, ей хотелось выяснить все подробности, хотя Талли не представляла, что она будет с ними делать. Виктор был прав – она действительно теряла каждый месяц крупную сумму денег, и теперь Талли знала, как и куда они уходили. Не представляла она только, как вернуть потерянное.

– Да, – кивнула Бриджит. – В конце концов он действительно сказал, чтобы я ничего тебе не говорила. Хант знал, что он делает, и я тоже знала... Мы оба тебя обкрадывали. Точнее, он обкрадывал, а я ему помогала. Я не взяла себе ни цента, но поверь – от этого мне нисколько не легче.

– Ну и ну, – покачала головой Талли. – Знаешь, ничего подобного я не ожидала... в особенности от тебя.

– Я не хотела, Талли. Все получилось как-то само собой...

Бриджит потупилась. Вид у нее был чрезвычайно расстроенный, но Талли не испытывала к ней ни жалости, ни сочувствия. Потом, быть может, она постарается понять Бриджит, но сейчас ее больше всего занимали собственные ощущения. То, что она услышала, повергло Талли в самый настоящий шок. Ничего подобного она не испытывала, даже когда узнала, что муж-актер изменяет ей и что об этом написали все газеты. То, что сделал Хант, было стократ хуже. Он не просто предал ее, но еще и обокрал... Более низкого поступка Талли не могла себе даже представить.

– Да, насчет отеля... – вдруг сказала Бриджит. – Я действительно один раз останавливалась в «Шато Мормон». У меня с собой не оказалось моей карточки, поэтому я расплатилась нашей общей кредиткой. Сейчас я даже не помню, с кем я туда отправилась и почему. Кажется, это был один из наших операторов; я была от него без ума, но он был женат, и поэтому ты не хотела, чтобы я с ним спала. В общем, мне не хватило духу тебе во всем признаться. Потом я, конечно, вернула все деньги – внесла их наличными на наш оперативный счет для покрытия непредвиденных расходов.

– Виктор утверждает, что видел несколько квитанций с твоей подписью. И не только из «Шато Мормон», но и из «Сансет Маркис», – сухо сказала Талли. – Он проверял.

– Ну, может быть, я останавливалась в отеле дважды, но я все вернула. Наверное, кто-то подделал мою подпись на других квитанциях. Может быть, даже Хант. – Бриджит снова

опустила глаза. – Дело в том, что... В общем, есть еще одна вещь, о которой я тебе не рассказывала. – Она набрала полную грудь воздуха, словно перед прыжком в воду. – Я думаю... В общем, Хант с кем-то встречается. Уже больше года. Сначала я ничего не знала точно, только подозревала, но потом... Один мой приятель работает у него в офисе. Я спросила, знает ли он что-нибудь, и он рассказал, что Хант встречается с секретаршей. Она довольно молодая – лет двадцать пять, не больше, но у нее есть трехлетний ребенок и муж, который ее... в общем, дурно с ней обращался. Мой приятель сказал, что Хант очень ее жалел и пытался чем-то помочь. Она как раз ушла от мужа, но этот ублюдок то и дело возвращался и продолжал избивать ее и ребенка, принуждая к сожительству. Тогда Хант снял ей небольшую квартиру, где она могла бы спрятаться. Думаю, с этого все и началось. Сейчас они встречаются регулярно. Раньше они, наверное, могли видаться только в отелях, но теперь... Твоя приходящая домработница сказала, что, когда ты уезжаешь на натурные съемки, Хант почти никогда не ночует дома. Это правда, я проверяла. Должно быть, он ездит к своей любовнице на квартиру, которую снял для нее.

Бриджит перевела дух, но на лице у нее было написано сочувствие. Она очень переживала за Талли.

– Ну вот, теперь ты знаешь все, – добавила она несчастным голосом.

– Значит, тебе сказала домработница?... Похоже, кроме меня, все остальные в курсе. – Талли скрипнула зубами. Проклятый Хант!.. Он не только обкрадывал ее, но и изменял ей, изменял почти открыто, так что об этом знали многие. А ведь она любила его и никогда не заподозрила бы ни в чем подобном! Хант казался ей честным, добрым, справедливым, но на проверку вышло – он ничем не лучше ее последнего мужа-актера. Даже хуже.

– Что ты собираешься делать? – с тревогой спросила Бриджит, заглядывая Талли в глаза. На ее лице ясно читались раскаяние и сочувствие. – Поверь, я не хотела сделать тебе больно. Напротив, я всегда старалась тебя защитить. Конечно, я знала – ты расстроишься из-за денег, но мне казалось – может быть, ты не захочешь терять Ханта. Что касается секретарши, с которой он завел роман, то я надеялась, что эта история вот-вот закончится, он одумается и вернется к тебе, но, к сожалению, этого не случилось. Наоборот, по моим сведениям, там все очень серьезно. Они даже планируют пожениться, когда она окончательно оформит развод.

– И когда же Хант планировал сообщить мне эту замечательную новость? – холодно осведомилась Талли. – Уж не после ли их медового месяца? Ну и свинья же он!.. – Ее голос звучал достаточно спокойно, но по лицу Талли было ясно: ее мир только что разлетелся вдребезги, словно хрупкое стекло.

– Я виновата, что не сказала тебе этого раньше, – посетовала Бриджит. – О том, что Хант завел любовницу, я узнала где-то полгода назад. Конечно, мне следовало сразу тебе рассказать... И насчет денег тоже. Господи, что же я наделала!

Эти слова заставили Талли немного смягчиться. Все-таки Бриджит скрывала от нее информацию не со зла, а потому, что не хотела делать ей больно. И все же потрясение, которое она испытала, было достаточно сильным. Узнать, что твой любимый человек изменяет тебе и крадет у тебя деньги, – это стало бы серьезным ударом для кого угодно. Но чем она заслужила такое?! Талли этого не знала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.